

Эвгений Логинов

Тамилос

ЕВГЕНИЙ ЛОГУНОВ

**Таулос. Книга первая.
Северный ветер**

«Accent Graphics communications»

2012

Логунов Е.

Таулос. Книга первая. Северный ветер / Е. Логунов — «Accent Graphics communications», 2012

Действие этой увлекательной книги разворачивается в Море, который мог бы быть нашим Миром на Земле или подобным нашему. Правдоподобие описываемых событий позволяет читателю окунуться в сложную жизнь замечательных героев; искренне сопереживать, страдать и радоваться вместе с ними. Построение сюжетных линий и талантливое изложение, достоверность и точность образов, выписанных с искренней симпатией и любовью, делают чтение подобным просмотру увлекательной приключенческой киноленты. Главный герой книги Сентай проходит путь от ученика таинственной школы до советника императора, но, прежде всего, он наследник его удивительных учителей. Внутренняя чистота и сила духа присущи всем персонажам книги, даже один этот факт является поразительным в обозрении современной литературы. Этот удивительный мир, в котором нет места предательству, а самоотверженность и всепоглощающее самопожертвование приводят к победе мира над войной, добра над злом. Действие разворачивается в Море, где не утеряны тонкие связи, где властвует человеческий дух на фоне созерцательного положения духов и создателей Вселенной. Сентай становится наследником древних основателей мироздания. Его помощь и участие – залог победы над ордами вражеских армий, но именно человеческие качества души, ум и мужество позволяют людям одерживать победу в, казалось бы, безвыходных ситуациях. Замечательные подробности картин грандиозных сражений и мирной жизни, ощущение того, что автор видел это собственными глазами; тщательно выписанные характеры персонажей, – всё держит читателя в напряжении до последней страницы, читается на одном дыхании и оставляет единственное сожаление о том только, что книга закончилась.

© Логунов Е., 2012

© Accent Graphics
communications, 2012

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	23
Глава 3	34
Глава 4	51
Глава 5	64
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Евгений Логунов

Таулос. Книга первая «Северный ветер»

Время. Кто знает, что есть Время? Безжалостное и стремительное, оно вокруг нас, оно рядом с нами. Мы знаем о нем, помним о нем. Мы за ним следим и не замечаем его. А ведь именно от его стремительного бега зависит наша жизнь. Время похоже на палача с остро отточенным топором. И каждый из нас, едва появившись на свет, кладет голову на плаху в ожидании своей участи. Именно это и есть наша жизнь: краткий миг от взмаха топора до глухого стука лезвия о плаху. Предчувствие неотвратимого удара преследует нас с самого рождения, и мы всеми силами стараемся оттянуть встречу с неизбежным.

Существует заблуждение, что для того, чтобы продлить жизнь, нужно суметь остановить время. В последние двадцать семь веков люди не раз пытались это сделать, и многие проявляли невиданные изобретательность и упорство. Но все они так и не приблизились к заветной цели. И я благодарю Создателя за то, что он не позволил им разгадать этот секрет. Задумайтесь, разве не постоянное течение времени позволяет всему живому рождаться, жить и умирать? Разве не его стремительный бег, подобный току крови в наших жилах, является основой жизни на земле? И если кто-нибудь, охваченный жаждой бессмертия, сможет остановить время, что будет тогда?.. Забвение. Тьма и холод. Пыль и камни.

Возможно, есть другой способ познания вечности, но я не думаю, что нам следует знать о нем. Пусть тайна останется тайной.

Император Рангал

2795 год Четвертой Эпохи

Глава 1

Да рассеется тьма веков

Эта история произошла очень давно. Тогда все было не так, как сейчас, да и сам мир был другим. Огромный океан покрывал поверхность Земли, и один материк, окруженный десятком больших и малых островов, лежал на его поверхности. Покрытый густыми лесами, сияющий на солнце снежными вершинами гор, с зелеными равнинами и серебристо-голубыми лентами рек, он раскинулся во все западное полушарие и был обителью всего живого среди шумных, темных вод.

И как драгоценный камень венчает золотой перстень, так и величественный город Таулос – чудесное творение рук человеческих – был гордостью и оплотом всех земель и народов. Величественный и несокрушимый, Таулос был построен в 289 году Четвертой Эпохи первым императором – Иесеном. В лице Несена народ увидел не только защитника, но и мудрого правителя. Он сумел собрать воедино разрозненные ранее княжества и сплотить их вместе. Закончилось смутное время для людей, живших под страшным гнетом завоевателей с далеких островов, прекратились гонения и вечные скитания по земле пропитанной болью горечи и утрат. Придя к согласию, люди попросили Иесена стать их заступником. Несен оправдал надежды, и вскоре его провозгласили императором, проявив тем самым признательность и доверие. Объединенные земли образовали империю Таулос. Все они признали власть императора Несена и получили от него уверительные грамоты, в которых император клялся в искренности своих побуждений и гарантировал защиту своему народу. Так началась эпоха Таулоса.

Император Иесен скончался в 372 году, оставив после себя двух сыновей и чудесный город – в дар достойным потомкам, умеющим чтить память предков и способным понять мудрость ушедших поколений.

* * *

Четырнадцатый день месяца зеленых листьев. 2851 год Четвертой Эпохи.

– Кто ты? – голос, словно гром, загрохотал под склонами пещеры и эхом вернулся обратно. – Я спрашиваю, кто ты? Назови свое имя!

– Меня зовут Сенгтай.

– Что тебе нужно?

– Я ищу господина Даргона.

– Его здесь нет. Убирайся!

– Но я должен найти его, мне...

– Пошел вон! – голос, и без того грозный, превратился в рык. – Возвращайся туда, откуда пришел!

– Позвольте мне хотя бы объяснить причину своего визита, – попросил Сенгтай и почувствовал, как холодный пот выступил у него между лопаток. На минуту в пещере воцарилась тишина. Однако страх не проходил, и Сенгтай ждал ответа.

– Хорошо, говори.

– Я пришел из храма Вечного солнца... – не успев договорить, Сенгтай вновь услышал голос.

– Что ты делал в храме Вечного солнца?

– Я был адептом, и наш учитель господин Екои просил передать вам письмо.

– Был, просил?! Почему ты говоришь о нем в прошедшем времени?

– Потому что господина Екои больше нет, так же, как нет больше и самого храма.

Сенгтай стоял, опустив голову. Безысходность завладела его сердцем, и стало неважно, что произойдет дальше. Он потерял свой прежний дом, а новый не отворил перед ним свои двери. Он потерял своего наставника, и другого у него не было. Осталось только выполнить последнюю волю покойного учителя.

Сенгтай стоял на краю темного туннеля, по которому около часа он спускался вглубь горы. Перед ним открывалась большая мрачная пещера, куда тысячи лет не проникал дневной свет. Где-то в глубине пещеры тускло горели факелы, давая слабый неровный свет. Странные тени, возникающие на стенах, меняли свои очертания. Увиденное будоражило воображение Сенгтая, вызывая тревогу и неуверенность. Осторожно сделав шаг из темноты каменного коридора, он очутился на краю небольшого уступа, с которого можно было увидеть большую часть этого нерукотворного дворца с единственным залом.

– Спускайся, – услышал он, наконец, голос невидимого собеседника.

Справа от уступа Сенгтай обнаружил лестницу, ведущую вниз. Мгновение он колебался, но затем, отбросив сомнения, шагнул на ступени, ведущие к тайне, о которой он столько раз слышал и которую так долго искал.

* * *

Император Тайрат проснулся за два часа до рассвета. Он долго лежал в постели, глядя на высокий потолок, украшенный изысканной росписью, которая рассказывала о правлении всех императоров, живших в этом дворце, начиная с первого императора Несена и заканчивая императором Рангалом, отцом Тайрата. Все они были изображены по-разному. Так, например, Иесен был одет в богатые красные одежды, расшитые золотом и драгоценными камнями. Он управлял прекрасной колесницей, запряженной пятью лошадьми, что символизировало его вклад в процветание империи. Пять лошадей олицетворяли пять разных земель и народов, объединенных для общего дела. Колесница означала тяжелую ношу, которую должны были нести объединившиеся народы, а ее роскошь – щедрое вознаграждение за нелегкий труд. Красное одеяние императора подразумевало мудрость, мужество и славу. Красный цвет принадлежал только ему. Все остальные были одеты в синее с красной окантовкой. Синий цвет – цвет воина, защитника своей земли.

Император Рангал изображался всадником, сидящим на белом коне, символе храбрости, и держащим в руке меч. Больше чем кому-либо из предшественников, ему приходилось защищать империю. За годы правления он воевал в общей сложности пятнадцать лет. И именно поэтому остался в памяти потомков как император-полководец.

Глядя на изображение отца, Тайрат тяжело вздохнул. Сон, приснившийся ему этой ночью, заставил его содрогнуться. Это был плохой сон. Тайрат чувствовал беду, и это не давало ему покоя. Нет, он не боялся ни больших, ни малых бед. За свои девяносто восемь лет он многое повидал и сделал тоже немало. Ему так же приходилось вести войска в бой во имя процветания империи, и в этих боях он потерял многих друзей и родного брата Тайтара.

Вспомнив о брате, император снова тяжело вздохнул. Сон уже давно пропал, и Тайрат решил подняться с постели. Он еще раз взглянул на изображение отца. Затем взгляд его сместился туда, где на потолке не было росписи. Там было пусто. И там, оставалось еще много места. «Когда-нибудь и я займу место рядом с тобой, отец», – подумал Тайрат и понял, что произнес это вслух. Он огляделся. Было тихо и еще довольно темно. Спальня, погруженная в предрассветные сумерки, казалась пустой и унылой. «Здесь только я и лики моих предков», – снова подумал Тайрат и улыбнулся. Повернувшись на бок, он медленно сел и спустил ноги с кровати.

Высокая и массивная, сделанная из редкого зеленого дерева и покрытая прозрачным лаком и золотыми инкрустациями, она стояла посреди спальни. Ковровая дорожка, затканная

редкими цветами, вела от кровати к большому окну. На высоких стенах спальни висели воинские доспехи, отполированные до блеска щиты с гербами, окаймленными золотом, а также много разного оружия. Все это Тайрат хранил в память о великих битвах и давно минувших днях, когда он был молод, силен и полон грандиозных планов. Однако, к великому сожалению, время течет неумолимо и жизнь пролетает так стремительно, что порой кажется, будто это был всего лишь миг, яркий и короткий, подобный вспышке падающей звезды на темном ночном небе.

На дальней стене спальни императора Тайрата висели картины. Их было очень много, и, в основном, это были пейзажи. Долгими вечерами, когда он сильно уставал или ему становилось одиноко, Тайрат садился в мягкое низкое кресло и долго смотрел на картины. Он мог сидеть так часами, глядя на многочисленные пейзажи, уносясь мысленно в те далекие прекрасные места. Там не было забот и тревог, там он мог забыть о своей усталости и обрести душевный покой. Вершины гор в снежных шапках, бескрайные равнины, покрытые сочной зеленой травой. А вот изображенный умелой рукой великого художника вишневый сад после дождя, где на каждом листочке, на каждой ягоде, спелой и красной, видны капельки воды. Ну, разве это не чудесно?

Тайрат с трудом встал с кровати. Его ноги ощутили мягкий теплый ковер, лежащий на полу. Некоторое время он стоял, прислушиваясь к себе и чувствуя, как тепло ковра поднимается по ногам и проникает в самые отдаленные уголки его тела. Взгляд уловил едва заметные блики на темном стекле окна. «Скоро рассвет», – подумал Тайрат и направился к окну. На востоке небо окрасилось розовым, и тьма постепенно рассеивалась, уступая место новому дню.

Так, стоя у окна своей спальни, император Тайрат встретил рассвет пятнадцатого дня месяца зеленых листьев.

* * *

Солнце уже полностью показалось над горизонтом, не оставив и следа от прошедшей ночи. Его лучи ярко освещали стены дворца, проникая в окна залов, скользя по улицам и крышам домов.

Дворец был построен на вершине холма, поэтому из окон был виден почти весь город, расположенный у его подножия и на склонах. От дворцовых ворот и до подножия холма, где располагалась главная городская площадь, вела широкая каменная лестница, по краям которой возвышались гранитные скульптуры животных с чашами на головах. В этих чашах по вечерам помощники дворцового смотрителя Ло-По разводили огонь, чтобы стража у ворот могла видеть, кто приближается к дворцу. Ступеней было восемьсот восемьдесят две, и путешествие вверх и вниз было довольно-таки трудным делом. Чаш для огня было вдвое меньше, однако разжечь четыре с половиной сотни огней было достаточно непросто.

По обе стороны от лестницы на склонах холма располагались дома высших чиновников. Там жили министры и генералы императорской армии, а также семьи служащих при дворе. За городской площадью рядами выстроились дома обыкновенных жителей Таулоса. Все улицы города были абсолютно прямыми и пересекались друг с другом под прямым углом. Высокие городские стены окружали город со всех сторон, образуя квадрат. На западе они подходили почти вплотную к стенам дворца и были отделены друг от друга только рядами воинских казарм. Городские ворота были расположены на востоке и охранялись не менее тщательно, чем сам дворец императора.

Общая численность жителей Таулоса составляла около пятидесяти тысяч человек, и еще столько же жили в мелких поселениях вблизи городских стен.

Каждый день с восходом солнца ворота Таулоса открывались, и тысячи людей устремлялись в город. Из пригородных поселков сюда шли торговцы зерном, мясом и овощами. Приезжали торговцы и из других земель.

Так было всегда, так будет и сегодня.

Дверь в спальню Тайрата открылась, и на пороге появился мужчина лет пятидесяти огромного роста и богатырского телосложения. Увидев стоящего у окна императора, он склонил голову и попытался уйти незамеченным.

– Это ты, Лука? – спросил, Тайрат не отводя глаз от окна. – Входи, я уже не сплю.

Лука как будто только этого и ждал. Он тут же бросился к императору со своей ежедневной фразой: «Вы опять рано встали сегодня! Ну что же вам не спится, ведь еще...».

– ...не открыли городские ворота, – перебил его Тайрат, – я знаю, Лука, знаю.

Но Лука был уже рядом. Он подхватил Тайрата подмышки своими огромными руками и понес к кровати.

– Мой господин, вам нельзя так рано вставать. Вы очень мало отдыхаете и много работаете. Вот и вчера легли далеко за полночь, – продолжал Лука взволнованно.

Его голос был довольно необычным: низким, мягким, как бархат. Когда Лука говорил, а он любил поговорить, император слушал его и невольно думал о том, что, наверное, ни один звук не действовал на него так успокаивающе, как этот голос. Волновался ли Лука, радовался или злился, его голос звучал спокойно и мягко. Но не только голос был достоинством Луки. Его характер также был особенным. Лука был личным слугой Тайрата вот уже двадцать лет, и ни разу за это время император не заметил, чтобы Лука проявил злобу или агрессию. Обладая высоким ростом и стальными мышцами, он имел преимущество перед остальными, но, ни разу даже не попытался продемонстрировать его.

Лука был чудовищно силен, и однажды император сам смог в этом убедиться. В 2835 году, в середине месяца белой земли, тогда еще молодой и бодрый Тайрат со своей свитой отправился на охоту в леса к устью реки Эль. Охота на медведя в это время года была интересна и практически безопасна. Лука уговаривал императора взять его с собой, но тот отказывался. «Зачем тебе ехать со мной?» – спрашивал Тайрат, но Лука продолжал настаивать, и император согласился.

Медвежью берлогу собаки нашли довольно быстро. Охотники окружили ее и подняли копыя. Тайрат и Лука стояли в стороне. Охотники уже замахнулись, как вдруг собаки, привязанные к дереву, громко залаяли.

Медведя в берлоге не было. Он появился из-за деревьев прямо за спиной императора. Старый голодный зверь, не выдержавший зимней спячки и неожиданно нашедший столь желанную еду, не раздумывая, бросился вперед. Лошадь рванула с места, и Тайрат с криком упал на снег. Паника охватила присутствующих. Хранитель императорского меча Моши бросился отвязывать собак, а в это время медведь был уже в двадцати шагах от Тайрата.

Лука напал на медведя сбоку, неожиданно для всех. Он стремительно бросился на него, обхватив руками его толстую косматую шею. Медведь не ожидал этого и, сбитый с толку, закружился на месте, грозно рыча и пытаясь сбросить неожиданно появившегося врага. Его лапы с огромными острыми когтями несколько раз достали Луку. Снег вокруг стал красным, но, несмотря на тяжелые раны, Лука не отпускал зверя. Неожиданно медведь захрипел и медленно повалился на бок, придавив своим телом слугу императора. Когда охотники осторожно приблизились к месту схватки, Лука уже был без сознания. Его одежда была разорвана, на спине и на боку из ран текла кровь. Императора подняли на ноги, и он поспешил к своему слуге. Луку вытащили из-под медведя, и Тайрат приказал своему лекарю Васаге осмотреть его.

– Раны довольно глубокие, но я думаю, что он поправится, – сказал Васага, завершив осмотр.

Охотники обступили убитого зверя.

– На нем нет крови, – сказал Моши, оглядев лежащего на снегу медведя. – Господин Васага, может, вы осмотрите заодно и его? Моши толкнул медведя ногой.

– Зачем это? – испуганно спросил лекарь.

– А вдруг он живой? – Моши перевел взгляд на Васагу. – Вдруг он без сознания?
Все как по команде сделали шаг назад и нервно зашептались.

– Васага! – позвал лекаря император.

– Иду, мой господин! – отозвался тот и бросился к императору.

– Осмотри медведя, – приказал Тайрат. Эти слова заставили бежавшего со всех ног лекаря остановиться так резко, что он не удержался и, взмахнув руками и ахнув, упал в снег. Моши громко рассмеялся. Тайрат попытался скрыть улыбку, но это у него плохо получилось. Когда Васага поднялся на ноги, отряхиваясь от налипшего снега и всё повторяя: «Иду-иду, мой господин», смеялись уже все.

Осторожно, боком, с вытянутой вперед рукой, Васага приблизился к зверю. Он поднес ладонь к его носу, и через некоторое время все увидели, как лекарь сел на снег и облегченно вздохнул: «Мертв, он мертв, Ваше Величество».

– Отчего же он умер? – спросил Тайрат.

Васага снова поднялся на ноги. Склонившись к медведю, он начал постукивать его по бокам, а затем ощупал шею животного.

– Вот причина, – произнес Васага и распрямился, – у него сломана шея. Ваш слуга сломал ему шею.

Моши вытаращил глаза. Императорская свита, как волна, накатила на убитого зверя, с интересом разглядывая и ощупывая его. Тайрат подошел к Луке, лежащему на толстом суконном одеяле. Его глаза были закрыты.

– Ты спас меня. Спасибо, – тихо сказал Тайрат.

Неожиданно Лука открыл глаза.

– Вам незачем благодарить меня. Я должен заботиться о Вас, – тихо ответил он.

Тайрат улыбнулся и, присев, взял руку Луки в свои руки в знак уважения и доверия.

После этой истории Лука стал пользоваться особым расположением императора. Они часто беседовали, сидя у огня в спальне Тайрата, и на прогулки по дворцовому саду Тайрат часто брал Луку с собой. Со временем их привязанность друг к другу становилась все сильнее, а доверие императора к своему слуге всё глубже. Только Лука мог войти в спальню Тайрата без стука, и только он один был способен сменить императорский гнев на милость, если кто-нибудь из дворцовых слуг совершал проступки, за которые их ожидало суровое наказание. При дворе Лука также пользовался уважением, и даже Хранитель меча Моши здоровался с ним каждое утро. Лука нравился всем. Несмотря на свою внушительную внешность, он был очень раним. Из-за любого замечания Лука всегда сильно переживал, и даже самая безобидная шутка расстраивала его. Тогда он уходил в свою комнату в дальней части дворца и подолгу сидел там, обхватив голову и тяжело вздыхая. Таков был Лука, личный слуга императора.

Лука посадил Тайрата на постель.

– Спасибо, Лука, – поблагодарил тот.

– Прикажете вносить утреннее платье? – спросил слуга.

– Да, пожалуй.

– Слушаюсь, Ваше Величество, – Лука поклонился и направился к выходу.

– Да, и вот еще...

– Слушаю, Вас, – откликнулся Лука уже возле двери.

– Попроси Неохаса зайти ко мне после завтрака. Это очень важно, – добавил Тайрат.

Лука кивнул и вышел. Вскоре он вернулся, неся белое одеяние из чистого шелка, украшенное узорами в виде птиц и цветов.

После того как император оделся и умылся, они отправились в зал для ежедневных обедов. Лука вел императора по длинным коридорам дворца, держа его под руку. Их шаги были почти неслышны, так как полы коридора устилали толстые шерстяные ковры. Считалось, что ничто, даже звук шагов, не должно тревожить его величество во время еды и отдыха.

Два стражника, стоявшие у входа в обеденный зал, увидев приближающегося императора, поклонились и открыли двери. После того как Тайрат и Лука вошли внутрь, двери закрылись наглухо, и уже никто не мог войти туда, пока император ел. Это был закон.

Посреди зала стоял стол и два стула с высокими спинками. Стены нежно-голубого цвета плавно переходили в потолок, разрисованный замысловатыми узорами. В полной тишине Лука помог императору сесть за накрытый стол и, молча, удалился в дальний угол зала. Аппетита у Тайрата не было, он вообще в последнее время ел довольно мало. Вот и сегодня он лишь надкусил ломоть мягкого белого хлеба и съел два куриных яйца. Запив все это красным вином, он вытер губы и встал из-за стола. Лука поспешил к двери. Он два раза стукнул по створке маленьким медным молоточком, висевшим рядом на кожаном шнурке. Это означало, что император закончил трапезу и двери можно открыть. Затем Лука вернулся к столу, взял один стул и поставил его рядом с окном.

– Сегодня поставь оба, – тихо сказал Тайрат. – Ты предупредил Неохаса?

– Конечно, Ваше Величество. Думаю, он ждет за дверью.

– Хорошо. И еще: передай моему сыну, что я хочу видеть его сегодня на совете высших чинов. Он должен прийти.

– Слушаюсь, – сказал Лука и поклонился.

– Ступай, Лука, дальше я сам справлюсь, – Тайрат вытянул руку, отпуская слугу.

– Спасибо, Ваше Величество, – Лука снова поклонился, – зовите меня, если что-нибудь будет нужно, я всегда рядом.

– Я знаю Лука, – Тайрат улыбнулся, – ступай.

Лука тихо удалился. Тайрат сел на стул и поглядел в окно. Жизнь уже кипела за стенами дворца. Придворные исполняли свои обязанности, слуги придворных суетились, выполняя их поручения. Все жило и двигалось не только во дворце, но и на городской площади и улицах, за стенами города, да и, пожалуй, во всем мире.

– Пусть будет вечен Таулос и его император! – раздался голос. Тайрат оторвал взгляд от окна.

– Неохас, мой старый друг и советчик, – Тайрат встал со стула и, разведя руки в приветственном жесте, двинулся навстречу маленькому лысому старичку, стоящему в дверях, – я рад снова видеть тебя, – лицо Тайрата расплылось в дружеской улыбке.

– Я вижу, Ваше Величество, вы совсем не стареете и жизнь ваша полна радости, – быстро заговорил Неохас, склонив голову. Тайрат подошел и, взяв гостя за плечи, удержал его от поклона.

– Ты, как всегда, преувеличиваешь, – ответил Тайрат, – но я хочу тебе верить.

– Не надо мне верить, вы должны верить себе, – сказал Неохас и улыбнулся.

– Ах ты, старый лысый пень, – Тайрат попытался нахмурить брови и сдержать ответную улыбку, – ты снова морочишь мне голову?

– Конечно же, Ваше Величество. Мне обидно, что во всем дворце только моя голова совершенно лысая.

Тайрат расхохотался. Он любил шутки Неохаса, и ему всегда было приятно с ним общаться. Разговаривая с Неохасом, Тайрат чувствовал себя не старым и уставшим императором, а мальчишкой, которому еще так много предстоит узнать. По правде говоря, это и в самом деле было почти так, ведь Неохас был старше Тайрата на тридцать лет. В этом году он отмечал свой сто двадцать восьмой день рождения. Однако, несмотря на столь почтенный возраст, Неохас выглядел совсем неплохо. Невысокого роста, худощавый, с совершенно лысой головой, он отличался подвижностью и странной манерой поведения. То он веселый, шутит на каждом шагу и хихикает, то вдруг становится серьезным и немногословным, ходит по дворцу, никого не замечая, или вовсе исчезает на несколько дней.

Среди придворных стали ходить слухи, что, скорее всего, дед совсем потерял рассудок. Чем же еще можно объяснить это непостоянство, да и немудрено на такой службе, ведь он императорский предсказатель.

– Ты снова меня рассмешил, – сказал Тайрат, – садись рядом. Мне надо с тобой о многом поговорить, – добавил Тайрат и указал на стул.

Неохас молча сел и внимательно посмотрел на императора.

– Ты хочешь сказать что-то? – спросил тот.

– Да, то есть..., – Неохас колебался.

– Я слушаю тебя, друг мой, – Тайрат заметил нерешительность в глазах Неохаса и положил руку ему на плечо, – не волнуйся, ты можешь говорить не опасаясь.

– Нет, мой повелитель, я опасаясь. Дело в том, что... – Неохас сделал паузу, пытаясь подобрать слова, – дело в том, что нам не о чем говорить.

Тайрат удивленно поднял брови.

– Я опасаясь, что вы не поймете меня, – добавил Неохас.

Тайрат склонил голову и задумался.

– Нам не о чем говорить, потому что ты уже знаешь все мои вопросы? – предположил он после короткой паузы.

– Да, – Неохас кивнул.

– Ты опасаясь, что я не пойму ответы на эти вопросы? – снова спросил Тайрат.

– Это так.

– Тогда просвети меня, – император улыбнулся своему старому другу.

– Поймете ли Вы меня? – Неохас покачал головой.

– Увидим, – сказал Тайрат.

– Все не так, сегодня все не так, – Неохас встал и нервно зашагал по залу.

– Что именно? – спросил Тайрат. – Ответ же, наконец!

– Да-да, конечно, – Неохас остановился, пытаясь сосредоточиться, – я видел сон... плохой сон. Вчера ночью, – закончил Неохас.

Тайрат пожал плечами:

– Мы все видим сны, иногда они плохие. Это обычное дело.

– Обычное дело, когда я читаю плохой сон, словно книгу. Я вижу, что он предупреждает нас о надвигающейся опасности, и понимаю, что нужно сделать, чтобы избежать беды. Этот сон не такой. Какая-то неведомая сила показала мне будущее. Я увидел страшные знаки, но не смог найти способ избежать или хотя бы смягчить удар, уготованный нам судьбой.

– Ты так думаешь? – спросил Тайрат. Его голос прозвучал подавленно.

– Я в этом уверен. Это подобно удару ножа, когда не ждешь его и не можешь отразить. Мы можем лишь надеяться, что рана не окажется смертельной, – сказал Неохас и тяжело вздохнул.

– Скажи мне, что ты видел? – спросил Тайрат, чувствуя, что боится ответа.

Неохас, выдержав небольшую паузу, произнес:

– Я видел грозовые тучи над Таулосом. Шел дождь, но хлеба не росли, потом светило солнце, но хлеба поникли. А затем наступила ночь.

Неохас замолчал. Несколько минут в зале стояла полная тишина. Несказанные слова повисли в воздухе. Потом Неохас продолжил:

– Я видел огонь на Сумеречной горе и тени, бродящие во мраке леса Гакхи. Они ждали кого-то или чего-то. Что-то должно произойти. Потом я увидел как Эль, Та и Ина, смешали свои воды, не впадая в озеро, и воды их стали красными как кровь. Затем взошло солнце, но черный дым застилал его. Огромные стаи мерзких насекомых кружили над землей, пожирая так и не созревший урожай, и невозможно было прогнать их. Я видел Таулос, и все жители его были одеты в черные одежды.

Неохас снова замолчал. Тайрат сидел неподвижно, и лицо его было похоже на каменную маску. Он смотрел прямо перед собой, но ничего не видел.

– Это все, – произнес Неохас.

Эти слова вывели Тайрата из оцепенения. Он повернулся и посмотрел в окно. На улице ярко светило солнце, отражаясь от белых стен домов. Где-то далеко внизу на городской площади толпились люди. Они что-то покупали, торговались, смеялись, сплетничали. На мгновение Тайрату показалось, что он слышит их голоса. Они доносились до его ушей через большое расстояние, проникая сквозь стены дворца, через его окна. Но Тайрат не понимал этих слов.

– Что ждет нас? – с трудом вымолвил император. Слова его прозвучали сухо и скованно.

– Пока не могу ничего сказать. Должно пройти время, – ответил Неохас. Он все так же стоял спиной к императору.

– У нас нет никакой надежды? – спросил Тайрат.

– Не хочу давать вам окончательный ответ. Одно знаю точно: в беде мы не будем одиноки. Угроза нависла не только над Таулосом. Беда постучит во все двери.

– Как же мы сможем предупредить народы, живущие вдали от столицы?

– Боюсь, что гораздо трудней будет объяснить, какая именно угроза нависла над ними, – ответил Неохас.

– Ты прав. Мы и сами-то толком ничего не знаем, – согласился Тайрат.

– Мы должны готовиться к самому худшему, – сказал Неохас и повернулся к императору, – и все же я считаю, что надежда есть.

– И что же это? – спросил Тайрат.

– Огонь на Сумеречной горе, – ответил Неохас.

– Что ты несешь?! – вскрикнул Тайрат голосом, полным раздражения, и поднялся с места. – С каких это пор Сумеречная гора приносит удачу?

– А с каких пор, – не побоялся перебить императора Неохас, – на Сумеречной горе горит огонь? – Неохас подошел вплотную к императору, сдерживая его раздраженный натиск.

Тайрат не ожидал подобной дерзости от своего предсказателя, но воспротивиться ей не смог. Слишком велики были заслуги Неохаса, впрочем, как и уважение, которое испытывал к нему император.

– Тысячи лет эта гора не видела света, – продолжил Неохас, – и даже когда ярко светит солнце, его лучи не касаются ее склонов из-за густого серого тумана, которым она покрыта, словно одеялом. Я прожил много лет. Я знаю это.

Тайрат посмотрел прямо в глаза Неохасу и увидел в них то, что так необходимо было им всем. Надежда. Ради нее Тайрат был готов простить Неохасу его возмутительный поступок. К тому же император чувствовал и свою вину. Как же глупо было вести себя так несдержанно! Он просто испугался, поддался панике и накричал на человека, который ни в чем не был виноват. Такое поведение было непростительным не только для императора, но и для обычного человека.

После небольшой паузы, взяв себя в руки, Тайрат сказал:

– Мне очень жаль, что я заставил тебя так волноваться. Ты все сделал правильно, и в слова твоих я слышу мудрость. Впрочем, так было всегда, – Тайрат жестом пригласил предсказателя сесть, – я так глупо повел себя, прости меня за это.

– Мне не за что прощать вас, Ваше Величество. Ваш гнев нисколько не обидел меня. Кто знает, как я повел бы себя на вашем месте?

– Спасибо тебе, мой старый друг. Ты всегда поддерживал меня, спасибо, – сказал Тайрат и улыбнулся Неохасу.

– Я нужен вам еще? – спросил Неохас.

– Ты можешь идти, – ответил Тайрат.

Неохас кивнул, поднялся и мелкими шагами направился к выходу. Двери тихо закрылись, и император остался один.

* * *

Ровно в два часа дня император Тайрат в сопровождении своего слуги, открыл дверь в зал совещаний. Там его уже ждали пять боевых генералов, личный советник, министр запасов и продовольствия и дворцовый смотритель. Моши и Неохас встречали Тайрата у дверей. Когда Император вошел, все встали и поклонились. Лука помог Тайрату сесть в высокое кресло, стоявшее посреди зала. Перед креслом на расстоянии пяти шагов стояли маленькие стулья без спинок. После того как император занял свое место, все остальные расположились на них. Слуга поклонился и вышел, закрыв дверь. В полной тишине Тайрат посмотрел на присутствующих. Слева перед ним сидел Ло-По, чуть правее расположился Чинга – министр запасов и продовольствия. В центре заняли свои места генералы: Инкаон – командующий пехотными корпусами, Сафар – командующий лучниками и метательными машинами, Мун – командир кавалерии. Чуть дальше сидели генерал Пай – начальник личной охраны императора и армейского резерва и генерал Валис – командующий вспомогательными отрядами. По правую руку от императора сидели Моши и Юнак – личный советник Тайрата. Неохас стоял рядом с креслом императора. Выждав несколько минут, Тайрат сказал:

– Я приветствую вас, мои верные помощники и единомышленники.

Все сразу оживились. «Приветствуем Вас, Ваше Величество, приветствуем Вас!» – услышал он в ответ. Император поднял руку, и в зале снова воцарилась тишина.

– Я не буду сегодня много говорить, и не буду задавать вопросы, – продолжил Тайрат, – сегодня я буду слушать вас. Вам всем придется еще раз доказать, что вы не зря занимаете свои высокие посты и что мое доверие к вам не напрасно.

Генералы, молча, переглянулись, и только Ло-По как всегда был невозмутим.

– Что мы должны сделать для этого? – спросил министр Чинга.

– Слушать. Сначала нужно слушать. Надеюсь вам это по силам, – ответил Тайрат.

– Самому молодому из нас уже далеко за пятьдесят, но думаю, что слух нас не подведет, – отозвался Моши, и по залу прокатился смех.

– Тогда начнем, – произнес Тайрат и посмотрел на Неохаса. Предсказатель вышел на середину зала, встав между императором и остальными. Снова наступила тишина. Неохас достал платок и вытер пот со лба. Это было неожиданно, потому что в зале было прохладно. Генералы снова переглянулись.

– Я должен сообщить вам дурные новости, господа, – начал Неохас, – думаю, нас с вами ждут тяжелые испытания.

Министр Чинга нервно заерзал на стуле.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил Моши. – Говори яснее.

– Да-да, конечно, – Неохас снова вытер пот. – Империя находится под угрозой уничтожения, и эта угроза столь же реальна, сколь и неотвратима.

– С чего вы взяли? Откуда такие мрачные мысли? – спросил Ло-По, слегка подавшись вперед.

Неохас печально улыбнулся и ответил:

– Нас ждет война, господа, и эта война не ради победы, а ради выживания.

– Простите, господин Неохас, но откуда у вас такая информация? – с удивлением в голосе спросил советник Юнак. – Насколько мне известно, у нас нет внутренних врагов. Что же касается внешних, то я каждый месяц получаю доклад о положении дел на всем восточном побережье, и в этих докладах говорится, что дроды не проявляют никаких враждебных намерений.

Более того, мне известно, что они не обладают достаточной силой, ведь их численность весьма мала. После поражения, нанесенного им нашей армией, они вряд ли успели оправиться.

– Последняя война с дроидами закончилась сорок лет назад, – напомнил Неохас, – тогда еще был жив император Рангал.

Все присутствующие при упоминании имени отца императора Тайрата, молча, склонили головы в знак уважения его памяти.

– Сколько воды утекло с тех пор... – задумчиво произнес Моши.

Память унесла его в далекое прошлое, когда он был молодым капитаном пехотного корпуса. Сколько сражений провел он тогда под командованием императора Рангала, сколько побед одержал...

И какие это были победы!

Громкий голос Юнака вернул Моши к реальности.

– Нам не о чем беспокоиться, – продолжал утверждать советник, – уверяю вас, их численность очень мала. Дозор сообщает, что видит лишь небольшие отряды, в лодках перемещающиеся с острова на остров. По нашим подсчетам, в армии дроидов не более пяти тысяч воинов. Это все, чем они располагают.

– Не будьте таким наивным, мой друг, – сказал Неохас и покачал головой, – вы плохо знаете дроидов. Эти дикари злопамятны и агрессивны. Они плодятся как тараканы, и им просто необходимо пространство для жизни. Сколько существует Таулос, столько дроиды пытаются его завоевать. Каждые сорок-пятьдесят лет они вторгаются на наши земли, чтобы сделать их своими. Мне кажется, что с вашей стороны, советник, весьма легкомысленно считать, что дроиды оставят свои попытки вновь это сделать.

Последние слова Неохаса сильно обидели советника, но тот сдержал возмущение, так как знал, что против предсказателя лучше не выступать. Для Юнака Неохас был недостижим, поэтому он просто опустил глаза, чтобы скрыть свои чувства.

– А как обстоят наши дела? Давайте поговорим об этом, – предложил Ло-По. От его безмятежности не осталось и следа.

Моши почувствовал на себе взгляд императора и понял, что вопрос Ло-По, повисший в воздухе, предназначается ему. Он встал и, выдержав короткую паузу, голосом, твердым и уверенным, сообщил:

– На данный момент мы располагаем действующей армией в семь тысяч человек. Из них две тысячи конные, три – пешие и одна тысяча лучников. Еще тысяча человек находится в распоряжении генерала Валиса, – Моши кивнул в сторону генерала. Внимание участников совета сосредоточилось на нем. Поднявшись с места, Валис произнес:

– При всем моем уважении к господину Моши, – генерал почтительно склонил голову, – я должен его поправить. Дело в том, что восемьсот человек из той тысячи, что находится в моем подчинении, отпущены в резерв.

– Хорошо, – снова вступил в разговор советник Юнак, – а сколько у нас метательных машин?

– Двенадцать, – отозвался генерал Сафар, – но четыре из них не работают.

– Когда будет закончен ремонт? – поинтересовался советник.

Сафар замялся.

– Я не видел необходимости в спешном решении этого вопроса...

– Теперь она есть, – перебил генерала Юнак и, повернувшись к Моши, добавил, – вам необходимо решить возникшую проблему.

Моши кивнул:

– Генерал Валис передаст половину своих людей из резерва в помощь господину Сафару.

– Боюсь, что придется передать весь резерв, – отозвался Сафар.

– Но зачем? – спросил Валис, в растерянности разведя руки.

– Чтобы ускорить работы... – Сафар не успел закончить.

Неохас, терпеливо слушавший эту беседу, неожиданно прервал ее.

– Господа, довольно болтовни.

Все с удивлением посмотрели на предсказателя. Убедившись в том, что все внимание приковано к нему, предсказатель продолжил.

– Поймите, мы должны готовиться к тому, чего ранее не встречали, а вы говорите о сломанных метательных машинах.

– Я не понимаю вас... – начал, было, Юнак, но император остановил его.

– Довольно, – сказал Тайрат, – хватит бесполезных разговоров.

На мгновение в зале воцарилась тишина. Все прекрасно поняли, что император недоволен ими. Тайрат окинул строгим взглядом подчиненных и остановился на Моши.

– Моши, ты опытный полководец, – произнес император, – ты командовал армией, когда я еще не был императором. И что я слышу? Такое впечатление, что в этом зале собрались не генералы, а уличные торговцы.

Моши стоял, опустив глаза. Конечно же, он чувствовал себя виноватым из-за некомпетентности генералов, но выслушивать по их вине упреки от императора было уже слишком.

Тайрат понимал, что происходит сейчас в душе старого полководца, и смягчил тон.

– Сядь, Моши, сядь, – спокойно сказал Тайрат, – и еще раз послушай Неохаса. Все послушайте.

В полной тишине, собравшись с мыслями, Неохас произнес:

– Господа, нас ждет страшная война, жестокая и кровопролитная. Мы не сможем избежать ее и не можем предугадать ее начало. Когда бы она ни началась, это будет неожиданно, и наша задача – быть готовыми ко всему. Поверьте, – Неохас тяжело вздохнул, – когда эта война начнется, вся империя вздрогнет от ужаса.

И снова гнетущая тишина повисла в зале. На лицах членов совета ясно читалось волнение и растерянность.

– Юнак, – обратился император к своему советнику.

– Да мой господин, – произнес тот, приподнимаясь с места, но Тайрат остановил его жестом руки.

– Твоя задача – сообщать нам все новости от дозорных отрядов. Ты должен стать глазами и ушами империи.

– Слушаюсь, Ваше Величество, – отозвался советник.

– Теперь, ты, Моши, – Тайрат перевел взгляд на оруженосца, – подумай, что нам нужно, чтобы быть готовыми к любой ситуации. Покажи мне армию Таулоса, которую невозможно сокрушить! – голос императора, наполненный твердой уверенностью, стал громким и четким.

И неожиданно для самого себя Моши заразился этой уверенностью. Он почувствовал возбуждение и огромное желание действовать – как воин после начала боя, освободившийся от тягостного ожидания битвы.

Моши поднялся с места. Взгляд его упал на генерала Пая.

– Сколько человек у вас в общем резерве? – спросил Моши.

– Пять тысяч, – ответил Пай.

– Полагаю, что его необходимо увеличить до двадцати тысяч. Сколько человек в охране императора?

– Пятьсот, – снова ответил Пай.

– Давайте увеличим их количество до двух тысяч. Они будут охранять не только дворец императора, но и весь город.

– Генерал Сафар, – обратился Моши.

Сафар поднялся с места.

– Наберите из резерва людей. Вы должны собрать четыре тысячи лучников. Генерал Валис поможет вам отремонтировать метательные машины и построить еще двадцать восемь. Мне нужны сорок метательных машин. Это позволит разбить любую армию.

Валис охнул. Моши продолжил:

– Генерал Мун, мы можем увеличить количество всадников до восьми тысяч? У вас есть лошади?

– Да, господин Моши, – отозвался Мун, – двенадцать тысяч голов.

– Хорошо, – выдохнул Моши, – остальных отдать генералу Валису и его вспомогательным отрядам. Сколько их остается?

– Шесть тысяч, – отозвался Валис, – из них полторы тысячи отойдут генералу Паю для охраны города.

– Хорошо, – снова сказал Моши, – а что у нас с продовольствием и запасами?

Министр Чинга встал и, пожав плечами, ответил:

– Оружия на всех не хватит, но это поправимо, а вот всего остального у нас с избытком. Меня интересует только одно: как много времени нам отведено на подготовку к войне? – Чинга посмотрел на императора.

– Время еще есть, – ответил на вопрос советника Неохас, – но лучше не тратить его впустую.

– У вас есть еще вопросы? – спросил император, обращаясь к совету.

Ответа не последовало. После короткой паузы Тайрат продолжил:

– Тогда, думаю, это все, господа, более не стану вас задерживать.

Все встали и, поклонившись императору, один за другим вышли из зала. Остались только Моши, Юнак и Неохас. Когда двери закрылись, Тайрат продолжил:

– Что ж, сегодняшний совет показал нам слабые места. И мы знаем теперь, над чем нам необходимо работать в первую очередь, – он поднялся с кресла и подошел к Моши, – Ты снова показал себя великим полководцем.

– Благодарю Вас, Ваше Величество, – ответил Моши и почтительно склонил голову.

– Ты можешь идти, – отпустил его Тайрат.

Моши еще раз поклонился и вышел. Тайрат вздохнул.

– Вот и началось! Да, кстати, советник, – обратился он к Юнаку, – попросите Ло-По, пусть проследит, чтобы во дворце не возникло паники. Вы же знаете, какие они впечатлительные, эти наши придворные.

– Слушаюсь, мой господин, – сказал Юнак.

– А разве мой сын не должен был появиться на совете? – неожиданно вспомнил император.

– Он будет только вечером, – сообщил советник.

– Тогда передайте ему, чтобы он обязательно пришел ко мне.

– Как скажете, Ваше Величество.

– Ступайте, советник, – сказал император, – и сделайте все, о чем я вас просил.

Поклонившись, советник быстро удалился, и в зале остались только Тайрат и Неохас.

– Мы снова одни, мой друг, – произнес Тайрат и после короткой паузы спросил, – Что ты обо всем этом думаешь?

– Время покажет, – ответил Неохас, – но одно могу сказать точно: мы уже встали на путь, который ведет нас к неотвратимому, и он единственный.

– Что ж, мы готовы встретить то, что ждет нас, – Тайрат посмотрел в глаза Неохасу, – и я надеюсь, мы сделаем это с честью и достоинством.

Неохас, молча, кивнул. Вздохнув с облегчением и улыбнувшись, император подошел к Неохасу.

– Идем, мой друг. Все что нам осталось – только ждать. Ждать и надеяться, – Тайрат взял Неохаса под руку, и они медленно пошли к дверям.

* * *

Солнце уже скрылось за горизонтом, избавив землю от своих палящих лучей, и долгожданная прохлада окутала Таулос. Городские ворота закрылись, и Ло-По с помощниками развел огонь в гранитных чашах вдоль лестницы, ведущей к дворцу.

Император Тайрат сидел в своей спальне на стуле с высокой спинкой и мягким сиденьем и задумчиво смотрел в открытое окно. Легкий восточный ветерок шевелил его седые волосы, и Тайрат наслаждался этими нежными прикосновениями.

Дверь в спальню открылась, и на пороге появился молодой человек высокого роста и крепкого телосложения. Длинные черные волосы, собранные на затылке в хвост, опускались на спину. Он был одет в походные одежды: широкие штаны, заправленные в сапоги, и серую полотняную тунику, перепоясанную широким ремнем. Длинный черный плащ покрывал его плечи. На среднем пальце левой руки поблескивал перстень, украшенный крупным рубином.

– Это ты, Хантаго? – спросил Тайрат, не поворачивая головы. Молодой человек вошел в комнату и тихо закрыл за собой дверь.

– Да, отец, – ответил он, не сводя глаз с императора.

Тайрат медленно повернулся и посмотрел на него. Несколько секунд они, молча, глядели друг другу в глаза. Наконец император произнес:

– Я рад видеть тебя. Где ты был так долго?

Хантаго быстрым шагом направился к отцу. Подойдя, он встал перед ним на одно колено и взял за руки.

– Как ты себя чувствуешь, отец? – спросил он. Глаза Хантаго, не скрывая волнения, внимательно смотрели на Тайрата.

– Все хорошо, не волнуйся, – поспешил успокоить сына Тайрат. Наклонившись вперед, он обнял его и похлопал по плечу.

– Я слышал, ты чем-то взволнован. Лука сказал, что ты почти не спишь в последнее время, – тихо, почти шепотом, произнес Хантаго.

– Не волнуйся, – Тайрат улыбнулся. – Лука, как всегда, преувеличивает. Не сплю я потому, что становлюсь слишком старым, и каждая оставшаяся минута очень мне дорога.

– Не говори так, отец. Как я могу не волноваться, глядя на тебя? Ты очень устал, я вижу это...

– Довольно, Хантаго, – остановил сына император, – не делай из меня изнеженного старика. Я хочу дожить отведенное мне время достойно, не жалуясь на усталость и болезни.

Хантаго поднялся на ноги.

– Ты самый достойный, и я горжусь тобой, отец! – сказал он.

– Спасибо тебе, – Тайрат тоже встал, – однако ты не ответил на вопрос, который я задал тебе.

Хантаго на мгновение задумался:

– Я задержался на земле таров, в поселении Онах, расположенном на берегу реки Та. Как ты знаешь, я отправился туда, чтобы встретиться с Локаи, сыном Оты, князя инаров. Ты сам послал меня, чтобы мы познакомились и обсудили некоторые дела, – Хантаго посмотрел на отца.

– Да-да, я помню, – поспешил ответить Тайрат, – садись, Хантаго, расскажи мне о вашей встрече. Как поживает мудрый Ота? Я хорошо знал его прежде. Он участвовал в войне с дродами сорок лет назад, когда те вторглись на землю таров. Тогда еще был жив мой отец, а я командовал его армией. Мы с Отой сражались плечом к плечу. Он великий воин, а его народ

– сильный и бесстрашный, – Тайрат неожиданно вздохнул, а затем продолжил: – Да, воспоминания о минувших днях не дают покоя. Как же скоротечна жизнь!

Несколько минут император задумчиво смотрел в раскрытое окно. На улице было темно, но Тайрат не замечал этого. В его памяти ожили события и образы давно ушедших лет, и сердце императора сжалось от тоски по временам, которых уже не вернуть.

Наконец, вырвавшись из плена воспоминаний, Тайрат вновь обратился к сыну:

– Прости, я отвлекся. Так о чем вы говорили?

– Мы говорили о разном, – начал Хантаго, – сначала я спросил Локаи о его отце, как ты мне велел.

– И что ответил Локаи?

– Он сказал, что отец уже довольно стар и часто болеет, но его разум все так же чист, а память светла. Еще Локаи просил меня передать тебе привет от Оты и сказать, что он помнит тебя и очень дорожит вашей дружбой.

– Ах, Ота, – вздохнул Тайрат, – еще хоть бы раз увидеть его!

Знаешь, таких людей как Ота редко встретишь. Это великий человек. Надеюсь, сын великого князя унаследовал ум и силу духа своего отца? – спросил император.

– Думаю, да, отец, – ответил Хантаго, – Локаи произвел на меня впечатление очень умного, отзывчивого и весьма дальновидного человека. К тому же он веселый и доброжелательный. Я думаю, что между нами завяжется такая же крепкая дружба, как между тобой и Отой.

– Я буду очень рад этому, – сказал Тайрат.

– Локаи пригласил меня в гости и сказал, что я должен познакомиться с его отцом.

– Это очень хорошо. Ты обязательно должен посетить землю инаров, посмотреть, как живет этот народ.

– Я согласен с тобой, отец, но прежде я сказал, что мы были бы рады принять его в Таулосе. Локаи очень обрадовался, что сможет увидеть самого императора объединенных земель, и я настоял, чтобы он принял мое приглашение. Ты не возражаешь? – спросил Хантаго.

– Что ты! Конечно же, нет, – поспешил успокоить его Тайрат, – хорошие друзья достаются большим трудом и нельзя ими пренебрегать. Ты правильно сделал, что пригласил Локаи. Я буду очень рад увидеть сына Оты. Я уважаю отца, а значит, не могу не уважать сына. Когда же Локаи посетит нас? – спросил Тайрат.

– Я думаю, это произойдет в начале осени, – ответил Хантаго, – Он сказал, что не сможет раньше. У него есть очень важные дела дома. Но как только все решится, он обязательно приедет.

– Вот и хорошо, – император встал и подошел к окну.

На улице было темно и тихо. Тайрат вдохнул полной грудью свежий ночной воздух. Постояв немного, он закрыл окно и шагнул вперед.

– Теперь, я хочу поговорить с тобой о том, что очень волнует меня в последние дни, – обратился Тайрат к сыну.

– Я слушаю тебя, – отозвался Хантаго, привстав с места.

Тайрат остановил его движением руки и продолжил:

– В последнее время мрачные мысли не покидают меня. Я чувствую приближение опасности. Какая-то беда ждет нас.

– Отец, может быть, все не так, как ты думаешь, – сказал Хантаго, – ты плохо спишь, мало ешь. Возможно, ты просто устал и отсюда и все твои волнения.

– Хорошо, если так, но не только меня тревожит будущее Таулоса. Господин Неохас так же взволнован, более того, его мучают мрачные видения. Мы говорили с ним об этом сегодня утром, и он поведал мне о том, что видел.

Хантаго едва заметно улыбнулся.

– Отец, при всем уважении к господину Неохасу я все же должен спросить: можем ли мы доверять его словам?

Тайрат хотел перебить Хантаго, но тот настойчиво продолжал:

– ... понимаешь, Неохас уже очень стар. Во дворце о нем разное говорят, да и его поведение не располагает к доверию. Быть может, Неохас уже не в состоянии различить грань между фантазией и реальностью.

Хантаго внимательно посмотрел на отца.

Тайрат молчал.

– Видишь ли, отец, – продолжил Хантаго после короткой паузы, – предсказания Неохаса могут оказаться пустыми, а твои волнения – напрасными.

Тайрат сделал несколько шагов по комнате.

– Да, – произнес он задумчиво, – я слышал многое о странном поведении Неохаса, о его внезапных исчезновениях и неожиданных появлениях. Но дело сейчас не в этом, – Тайрат остановился и повернулся лицом к Хантаго. – Ты говоришь о доверии, спрашиваешь, можем ли мы доверять господину Неохасу. Но ведь не это главное!

– А что же? – спросил Хантаго.

– Главное в том, что мы не можем подвергнуть империю опасности лишь по той причине, что Неохас слишком стар. Имеем ли мы право не прислушиваться к словам старого странного предсказателя, рискуя тем самым пустить беду на порог нашего дома?

На этот вопрос Хантаго не мог ответить, стоя в полном замешательстве. А между тем Тайрат продолжал:

– Подумай, Хантаго, что для нас важнее: дворцовые сплетни о выжившем из ума старике или бесспорные многочисленные заслуги Неохаса перед империей, сомнения в его здравомыслии или безопасность и процветание Таулоса. Кто сможет дать ответы на эти вопросы? – Тайрат внимательно посмотрел на сына, пытаясь понять, о чем он думает, но Хантаго лишь растерянно качал головой.

– Я не стану спорить с тобой, отец, – сказал Хантаго, – я еще молод, а ты прожил много лет и у тебя огромный опыт. Я соглашусь с твоим решением.

Император тяжело вздохнул и сел рядом с сыном.

– Нет, мой мальчик, мое время подходит к концу. Пришла пора тебе принимать решения. Тебе всего двадцать пять, но именно от тебя будет зависеть наше будущее. Ты – надежда Таулоса, Хантаго смутился.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил он, – ты и сам в состоянии...

– Нет, – перебил его Тайрат, – не в состоянии. Ни я, ни кто-либо другой. Я убедился в этом на сегодняшнем совете. Таулосу необходимо свежее дыхание, молодая кровь. Это ясно как белый день. И я, и генералы, и министры – все мы слишком стары и не способны на что-то новое, еще не виданное, а именно это необходимо, чтобы выжить в создавшейся ситуации. И когда придет время, не я, – Тайрат отрицательно покачал головой, – а ты возглавишь армию Таулоса и поведешь ее в бой. Я передам тебе власть и право вершить наши судьбы.

Тайрат замолчал, и в комнате воцарилась тишина. Хантаго сидел, опустив голову. Неожиданное решение отца застало его врасплох. Через несколько минут, собравшись с мыслями, он, наконец, спросил:

– Нас ждет война?

– Да, – ответил Тайрат, – и только ты сможешь ее выиграть. Ты должен быть готов к этому.

Император внимательно смотрел на сына. Хантаго поднял глаза. Тайрат ждал ответа. В его глазах Хантаго увидел веру императора в то, что его сын не дрогнет в трудную минуту и окажется достойным продолжателем дела своих предков.

И тогда Хантаго встал и твердым голосом будущего императора произнес:

– Я буду готов, отец.

Тайрат вздохнул с облегчением.

Глава 2

*Стоя у начала семи дорог,
не стоит долго выбирать,
по которой идти.
Все они ведут в одно и то же место.*

Весь день до позднего вечера Анайя провела в лесу за стенами Таштака – главного города инаров. Она бродила по узким тропинкам, которые, виляя среди высоких деревьев, скрывались где-то в самой чаще этого старого леса. Анайя, молча, шла вперед, не выбирая дороги и не ставя перед собой определенной цели. Иногда она останавливалась, чтобы сорвать цветок, и тогда несколько минут стояла, вдыхая тонкий аромат, будоражащий чувства и пробуждающий радость жизни. На самом же деле Анайя покинула Таштак не от скуки. В тени высоких деревьев она пыталась скрыться от самой себя, от мыслей, не дававших ей покоя. Она чувствовала себя одиноко, даже, несмотря на то, что в Таштаке, ставшим для нее вторым домом, была окружена заботой и любовью. Но не эта любовь была ей нужна. Анайя ждала возвращения своей настоящей любви, и у этой любви было имя – Сенгтай. При каждом воспоминании о нем сердце Анайи начинало биться чаще, и предательский румянец появлялся на ее щеках. Ах, как хотела она вновь увидеть его, увидеть хоть на миг – чтобы потом в смущении опустить глаза. Ощущения того, что он здесь, рядом, было бы для нее достаточно.

Они были знакомы уже очень давно. Анайя, Сенгтай и его брат Ханами были воспитанниками храма Вечного Солнца. Они всегда были вместе. Вместе играли, вместе учились и вместе росли. И когда они стали достаточно взрослыми, детская дружба переросла в иное чувство. Его трудно описать словами, потому что не хватит никаких слов, чтобы передать состояние, когда крылья вырастают за спиной, и мир открывает для тебя все двери. И остается лишь разбежаться посильнее и, оттолкнувшись от земли, взлететь высоко-высоко в небо, чистое и голубое и там парить бесконечно, наслаждаясь теплыми лучами солнца, купаясь в ласковом весеннем ветерке. И это лишь малая толика того, что действительно чувствуешь, когда ты влюблен.

Анайя остановилась и подняла голову. Сквозь листву пробивались лучи солнца, но не грели так, как это бывает в середине лета, ведь в лесу не бывает жарко. Он умеет хранить прохладу и чужие мысли.

Холодок пробежал по спине Анайи, и она обняла себя за плечи, чтобы согреться. А затем, словно опомнившись, вдруг весело рассмеялась. Это был чудесный смех, веселый и звонкий, как звук весеннего ручейка, легкого и стремительного, пробуждающего все живое от зимнего сна.

Было бы мало сказать, что Анайя была красивой девушкой с волшебной улыбкой и завораживающим взглядом глаз, глубоких и синих как два океана. Нужно просто хоть раз увидеть ее, и вам не с чем будет сравнивать, как не с чем было сравнивать и Сенгтаю в тот день, когда любовь поразила его сердце. Она выбила землю из-под его ног, ввергнув в пучину мучительного томления. И с тех пор каждый день Сенгтай проводил в ожидании, когда же он снова сможет услышать ее голос и взглянуть в прекрасные глаза. Тогда Анайя быстро поняла, в чем дело, да и сам Сенгтай не мог хранить это в тайне.

Он признался ей в своих чувствах, когда они еще жили в храме Вечного Солнца. Это произошло поздно вечером. В то время, когда все обитатели храма отошли ко сну, Сенгтай выбрался из своей комнаты и под прикрытием темноты добрался до домика, в котором жила Анайя и еще несколько девушек. Он шепотом звал ее по имени, но Анайя не услышала его. В результате Сенгтай просидел под окном домика всю ночь, пока под утро сон не одолел его.

Анайя наткнулась на Сенгтая на рассвете, когда все еще спали. Он сидел, прислонившись спиной к стене и громко сопел во сне. Анайя тихонько толкнула его и спросила: «Что ты здесь делаешь?». Вот тогда-то и произошло то самое «романтическое» признание в любви, о котором впоследствии Сенгтай очень не любил вспоминать. Он вскочил на ноги, испуганный, опухший ото сна, и растерянно замотал головой, пытаясь понять, где находится. Наконец, придя в себя и увидев Анайю, Сенгтай вдруг вспомнил, зачем пришел. Чтобы хоть как-то исправить положение, он начал говорить, пытаясь объяснить Анайе, каким образом здесь очутился.

Он говорил непонятно, дополняя слова жестами. Но чем дольше это продолжалось, тем меньше слов и мыслей у него оставалось. И вот, наконец, рот его закрылся, а руки безвольно повисли. Опустив голову, Сенгтай произнес: «Анайя, я люблю тебя. Просто я не знал, как тебе об этом сказать...»

Анайя смотрела на Сенгтая немигающим взглядом. Внутри нее самой поднималась волна невысказанных чувств, но ей было непросто выразить их. Сенгтай очень нравился Анайе, и она могла бы ответить на его чувства, но почему-то решила не торопиться. К тому же это считалось очень неприличным: отвечать согласием, не выждав некоторое время. Поэтому Анайе пришлось проявить терпение и выдержку. Она ничего не ответила Сенгтаю в тот день. Ах, если бы можно было повернуть время вспять и исправить ошибки! Тогда Анайя послушалась бы голоса сердца и презрела приличия. Это могло бы избавить ее от многих неприятностей в будущем но, к сожалению, в то раннее утро она не знала, чем обернется для них ее молчание.

Спустя три дня после той встречи брат Сенгтая Ханами тоже признался Анайе в любви. И снова это неловкое молчание в ответ. Нет, на этот раз приличие было ни при чем. Анайя хорошо знала Ханами, он был ее другом и теперь, когда он открыл ей свои чувства, она боялась обидеть его отказом. Если бы тогда она ответила Сенгтаю взаимностью, Ханами узнал бы об этом и не стал открываться ей, но теперь их права на ее любовь были равны. И совсем не важно, кого из них она выберет: все равно брат обвинит брата в своей неудаче. Больше всего Анайя не хотела стать причиной вражды между Ханами и Сенгтаем. Мысли об этом не давали ей покоя. Как же ей поступить, как выйти из создавшегося положения? Оба брата были людьми с сильной волей и твердым характером. Анайя даже боялась представить, чем все это могло закончиться. И тогда она приняла решение никому из них не давать ответа. Пусть все останется, как есть, пусть судьба сама подскажет ей выход.

Время шло. Один день сменял другой, но Анайе не становилось легче. Она стала замечать пристальные взгляды, которые Ханами бросал на Сенгтая и ревность в глазах Сенгтая, если она подолгу разговаривала с его братом. Между собой они почти не общались, и если Анайя находилась с кем-нибудь из них, то другой всегда оставался в стороне.

Неизвестно, сколько бы это продолжалось, если бы не резкий поворот судьбы, разрушивший их прежнюю жизнь. В конце лета 2850 года храм Вечного Солнца подвергся нападению неизвестных. Кто были эти люди, Анайя не знала, но они уничтожили всех, кто жил в храме – друзей и знакомых девушки, а главное – учителя, господина Екои. Воспоминания об этом дне были смутными, но Анайя и не стремилась ворошить прошлое. Она оставила себе лишь добрую память о тех, кого любила и с кем провела последние годы.

Несколько месяцев чудом уцелевшие Анайя, Сенгтай и Ханами блуждали по лесам и холмам восточного побережья, пока, наконец, не добрались до земли инаров. В Таштак они пришли поздно ночью. Шел проливной дождь, и стражники у ворот долго вглядывались сквозь темноту и ливень, пытаясь разглядеть незваных гостей. Как позже выяснилось, эти меры предосторожности были не напрасны. Дело в том, что сын князя Оты отправился в дальний поход. Он должен был посетить разные земли и лично познакомиться с местными правителями, а затем ему предстояло встретиться с сыном самого императора объединенных земель. Для Локаи, наследника князя, это было очень важно.

Как и полагается в таких случаях, Локаи взял с собой свиту из двухсот воинов, а так как войско инаров насчитывало всего восемьсот человек, то оставшаяся в городе его часть, не могла надежно защитить Таштак от неожиданного нападения. Поэтому стражникам у ворот было велено проверять всех прибывающих с особенной тщательностью.

Когда Сенгтая, Ханами и Анайю впустили внутрь, к ним подошел высокий худощавый мужчина и поинтересовался, как о них доложить. Узнав, что они пришли из храма Вечного Солнца, он сразу предложил им следовать за собой. Пока они медленно шли по узкой тропинке, размытой дождем, Анайя пыталась разглядеть этот таинственный город. Раньше она часто слышала разговоры о Таштаке, но только теперь у нее появилась возможность увидеть его, город людей, живущих на деревьях. Однако темнота и сильный ливень не позволяли Анайе сделать это.

Князь Ота принял их в своем доме, находившемся в самом центре Таштака, между деревьями, в пяти метрах над землей. Деревья являлись опорой этого дома. Их стволы были соединены между собой бревнами, образующими пол. Стены были сделаны из тонких длинных веток, переплетенных между собой. Крыша тоже была плетеной, ее покрывала древесная кора. С земли в дом вела узкая лестница, которую можно было легко убрать в случае необходимости. Подобным же образом были устроены все дома Таштака, различаясь только размерами.

Ота расспросил своих неожиданных гостей о том, что привело их на землю инаров. Услышав рассказ о нападении на храм Вечного Солнца и о гибели его обитателей, князь был расстроен. Он искренне сочувствовал молодым людям, чья нелегкая судьба заставила их скитаться по свету, в надежде найти хоть какое-то пристанище. После продолжительной беседы Ота распорядился выделить Сенгтая и Ханами отдельный дом недалеко от городской стены. Анайю поселили в небольшом домике рядом с жилищем князя.

Почти полгода Сенгтай, Ханами и Анайя прожили в Таштаке. Местные жители относились к ним очень хорошо, и сам Ота довольно часто приглашал их в свой дом. Казалось, жизнь снова наладилась, и старое должно быть забыто, но прошлое не собиралось отступать. В начале весны 2851 года Анайя заметила, что Сенгтай все чаще стал искать уединения. Он постоянно думал о чем-то, что тревожило его. Анайя пыталась заговорить с ним, но Сенгтай стал замкнут и молчалив. Воспользовавшись отстраненностью брата, Ханами постоянно искал повод, чтобы побыть рядом с Анайей, был очень любезен и обходителен. Но чем настойчивее он старался войти в жизнь Анайи, тем больше ей не хватало общения с его братом.

Прошло еще две недели, прежде чем Анайя решила внести ясность в отношения с братьями. Она долго подыскивала слова для разговора с Ханами, чтобы не задеть его самолюбия своим отказом. Но когда ее речь была готова, судьба вновь сделала крутой поворот.

Вечером десятого дня месяца быстрых ручьев в дверь Анайи постучали. Она открыла и увидела на пороге Сенгтая.

– Я пришел за тобой, – сказал Сенгтай, – нам нужно поговорить. Спускайся вниз.

– Хорошо, – ответила Анайя, – сейчас. Подожди немного.

Она почувствовала облегчение от того, что Сенгтай сам вызвал ее на разговор. Теперь ей не нужно ждать удобного момента, чтобы рассказать о своих чувствах. Сегодня она признается, что любит его, и тяжелый груз молчания упадет с ее плеч. А потом она поговорит с Ханами и постарается убедить его в том, что Сенгтай не виноват в ее выборе. С этой мыслью Анайя спускалась по лестнице своего дома. Она чувствовала, что все будет хорошо, и поэтому на ее губах играла легкая улыбка.

Но улыбка моментально исчезла, когда, спустившись вниз, она увидела обоих братьев. Анайя целую минуту удивленно смотрела на них, словно видела впервые. Наконец, ее взгляд остановился на Сенгтае.

– Ты звал меня, чтобы поговорить? – спросила Анайя и услышала, как дрогнул ее голос. Сенгтай смутился и опустил глаза.

– Что ты здесь делаешь? – спросила Анайя Ханами, но тот лишь пожал плечами и сказал, кивнув в сторону брата:

– Он позвал меня.

– Довольно разговоров, не нужно ничего выяснять, – отозвался Сengtай, – идите за мной, и я вам все расскажу.

Все трое направились к выходу из города. Миновав городские ворота, они еще несколько минут шли по лесу, пока, наконец, Сengtай не остановился.

– Дальше не пойдем, думаю, здесь нас и так никто не услышит.

– Что ж, говори, мы ждем, – сказал Ханами и присел на траву, изображая полное равнодушие к происходящему.

Сengtай сунул руку за пазуху и достал оттуда желтый свиток.

– Что это? – спросил Ханами.

– Письмо.

– Чье? – удивилась Анайя.

– Письмо господина Екои. Он передал его мне перед тем, как мы покинули храм, – ответил Сengtай.

– Почему ты не говорил нам об этом раньше? – с возмущением спросил Ханами.

– Господин Екои сказал, что я могу рассказать вам о нем лишь тогда, когда мы будем в безопасности...

– Но мы уже давно в безопасности! – не переставал возмущаться Ханами.

– Успокойся, – вмешалась Анайя, – дай Сengtаю закончить.

– Хорошо, пусть говорит. Что в этом письме?

– Я не знаю, – ответил Сengtай, – это письмо не для нас.

– А для кого? – спросила Анайя. Голос выдавал волнение, охватившее девушку.

– Для господина Даргона, – шепотом произнес Сengtай.

– Почему ты говоришь шепотом? – вновь завелся Ханами. – Я ничего не слышу.

Сengtай не выдержал:

– Тогда иди домой и прочисть свои уши, – гневно зашипел он. Ханами вскочил с места и двинулся к Сengtаю.

– Хватит, перестаньте! – закричала Анайя. – Неужели вы не можете хотя бы сейчас относиться друг к другу нормально. Вы же братья!

Но Сengtай и Ханами, будто не слышали ее слов. Подобно двум хищникам, злым и голодным, они стояли друг против друга, выбирая момент для решительного удара. По горящим от злости глазам Сengtая и Ханами, Анайя поняла, что они готовы наброситься друг на друга с единственной целью – уничтожить соперника. Анайя бросилась вперед и встала между ними.

– Перестаньте, пожалуйста! – умоляющим тоном произнесла она. Потребовалось несколько минут, чтобы ее слова дошли до затуманенного ревностью сознания братьев, и огонь, горящий в их глазах, постепенно потух. Сengtай отвернулся и безмолвно отошел в сторону, держа в руке письмо Екои. Он прислонился к старому дереву и, молча, стоял, вглядываясь в сумерки надвигающейся ночи. Ханами снова сел на траву. Он тоже молчал.

– Как хорошо, что вы все-таки взяли себя в руки, – произнесла Анайя, – думаю, теперь мы сможем продолжить беседу, не раздражая друг друга.

Ханами едва заметно ухмыльнулся.

– Сengtай, – позвала Анайя, – ты можешь продолжать.

– Тут не о чем говорить, – отозвался Сengtай, все так же глядя в глубину леса.

– Что же нам делать с этим письмом? – спросила Анайя.

– Его нужно доставить господину Даргону, а также сообщить императору Таулосу о том, что храм Вечного Солнца уничтожен, – ответил Сengtай и после короткой паузы добавил, – это все, о чем просил господин Екои.

– Значит, вам придется уезжать? – спросила Анайя голосом, полным тревоги и печали.

– Почему нам? – спросил Ханами. – Господин Екои просил Сенгтая. Меня он ни о чем не просил.

Анайя посмотрела на него с нескрываемым презрением. Ханами заметил это и поспешил исправить свой промах.

– Да ладно, – махнул он рукой, – я пошутил. Конечно же, я выполню последнюю волю нашего учителя. Осталось лишь решить, кто из нас поедет в Таулос, а кто отправится искать господина Даргона. Кстати, а где его искать?

– В лесу, – ответил Сенгтай.

– В каком лесу? В этом? – Ханами поднялся на ноги и отряхнул одежду, всем своим видом показывая, что он готов приступить к поискам.

– Нет, не в этом, – произнес Сенгтай, – он живет в лесу Гакхи.

Словно резкий порыв ветра, слова брата откинули Ханами в сторону. Испуганно пригнувшись и озираясь по сторонам, он прошептал:

– Ты сошел с ума, Сенгтай! О чем ты говоришь?! Лес Гакхи? Нет-нет, только не туда. Гакхи... Нет, туда нельзя!

– Но это последняя воля нашего учителя, – напомнил Сенгтай.

– Его последняя воля может стать последним путешествием для одного из нас. Нет! – Ханами отрицательно покачал головой. – Даже не проси. Ни один нормальный человек не отважится пересечь реку Эль, чтобы попасть в лес Гакхи, лес блуждающих теней! Даже санилы, прожившие в тех краях тысячи лет, не отходят далеко от берега. Говорят, что тот, кто подойдет к этому лесу хотя бы на расстояние полета стрелы, назад уже не вернется.

Анайя смотрела на Ханами и, хотя было уже достаточно темно, видела, как он трясется от страха. Постепенно этот страх начал передаваться и Анайе. Ей стало жутко от слов, сказанных Ханами, и тревога стиснула ее сердце.

В наступившей тишине в лесу, окутанном ночным мраком, Анайя почувствовала себя такой маленькой и беззащитной, что ей вдруг захотелось броситься прочь и бежать без остановки, не разбирая дороги и не оборачиваясь назад.

Голос Сенгтая вырвал Анайю из этого кошмарного состояния.

– Что же нам делать? – спросил он.

– Я поеду в Таулос, – сказал Ханами, – да, точно, я отправлюсь к императору и расскажу ему обо всем, что случилось.

Ханами говорил очень быстро, словно пытаясь поскорее закончить этот разговор:

– Я отправляюсь в Таулос завтра же. Думаю, этого достаточно, чтобы моя совесть была чиста перед господином Екои.

– А кто отправится на поиски господина Даргона? – спросил Сенгтай.

– Не знаю, – ответил Ханами, – но одно я знаю точно – я не поеду и тебе не советую. Послушайся моего совета и оставайся здесь.

Анайя посмотрела на Сенгтая. Он стоял возле дерева и о чем-то думал. Когда Сенгтай повернулся, она шагнула ему навстречу и, молча, покачала головой, словно не позволяя сказать то, что он собирался сказать.

– Я поеду искать Даргона, – сказал Сенгтай.

– Как знаешь, но лучше откажись от этой мысли, – произнес Ханами.

– Я должен. Мы все знаем это, – голос Сенгтая был твердым и уверенным.

Ханами отчаянно махнул рукой.

– Ты напрасно отдашь свою жизнь.

– Это моя жизнь, – заметил Сенгтай.

– Вот именно, а ты не ценишь ее и не ценишь мнение людей, связанных с тобой. Спроси ее, – Ханами указал на Анайю, – хочет ли она, чтобы ты отдал свою жизнь ради желания человека, который давно умер.

Сенгтай молчал.

– Еще раз прошу тебя: откажись от этой идеи. Ради какого-то Даргона, ты готов пожертвовать всем, что у тебя есть. Да его, может, и в живых-то уже давно нет. А, что скажешь? – Ханами поднял брови.

– Неважно. Это мой долг, – Сенгтай был непоколебим.

– Ты всегда был упрямым, – Ханами ткнул пальцем в сторону брата, – поступай, как хочешь, но только потом не вини никого в своих бедах.

Сенгтай молчал.

– Я уйду, – сказал Ханами, – завтра я уезжаю в Таулос. Нужно еще собрать вещи. Спокойной ночи, Анайя, – и, повернувшись к Сенгтаю, он добавил, – а ты – упрямый осел.

Сенгтай безмолвно стоял, прислонившись к стволу большого дерева. Через пару минут Ханами исчез во тьме ночного леса, и звук его шагов растворился в прохладном воздухе. Теперь, когда они остались одни, Сенгтай впервые взглянул на Анайю. Она стояла рядом и смотрела ему в глаза, а по ее щекам текли слезы. Сенгтай тихо подошел к Анайе и осторожно обнял за плечи.

– Прости, я не хотел тебя огорчать, – сказал он.

– Нет-нет, ничего страшного, – ответила Анайя, вытирая слезы.

– Я вижу, что ты расстроена, и чувствую себя виноватым.

Анайя ничего не ответила. Еще какое – то время они стояли, молча, прижавшись друг к другу, в темноте наступившей ночи. Наконец, Анайя спросила:

– Скажи мне сейчас, должен ли ты уезжать? – ее голос был тихим, но взволнованным.

Сенгтай колебался.

– Быть может, Ханами прав, и господина Даргона действительно уже нет в живых? – Анайя смотрела Сенгтаю прямо в глаза. Он отвел взгляд.

– Разве это имеет значение? – спросил он. – Наш учитель просил меня обязательно найти этого самого Даргона, и я должен сделать это, даже если он уже давно мертв.

– Ты спрашиваешь, имеет ли это значение?! – Анайя следила за взглядом Сенгтая, пытаясь его поймать. – А для тебя имеет значение то, что я хочу тебе сказать?

– А что именно ты хочешь сказать?

– Догадайся сам, – Анайя мягко выскользнула из его рук и отошла в сторону.

– Не понимаю, о чем ты говоришь, – сказал Сенгтай, пытаясь казаться невозмутимым.

Но Анайя услышала, как дрогнул его голос. Сенгтай начал волноваться, и она почувствовала это. Назад пути не было, и Анайе уже нельзя было молчать. Пришло время открыть ему свои чувства. Возможно, тогда Сенгтай откажется от своей затеи...

Анайя вновь повернулась к Сенгтаю и сделала шаг вперед. Она остановилась рядом с ним, так близко, что их руки касались друг друга.

– Я люблю тебя! – сказала Анайя и быстро поцеловала его, а затем так же быстро отошла назад, наблюдая за тем, какое впечатление произвело это на Сенгтая.

Впечатление было оглушительным. Сенгтай, как каменная статуя, стоял на одном месте, без движения и без звука. Анайя, не выдержав, спросила:

– Ты так и будешь стоять как истукан?

– Не знаю, что сказать, – с трудом выдавил из себя Сенгтай.

– Ты не рад? Может быть, ты уже передумал? – снова спросила Анайя, пытаясь показаться обиженной.

– Нет, что ты?! – Сенгтай бросился к ней. – Как ты могла подумать такое? Конечно же, я рад. Я просто счастлив! – он подхватил Анайю и закружил ее. – Просто я не ожидал услышать это так скоро.

– Так скоро? – Анайя снова громко засмеялась. – Да ведь уже столько времени прошло! Я вижу, ты очень терпеливый. Может быть, я поторопилась?

– Ты что? Нет, ты все сделала правильно, – Сенгтай был ошарашен этим вопросом.

Он даже перестал кружить Анайю и поставил ее на землю. Анайя снова вырвалась из его рук и отбежала за ближайшее дерево.

– Может, стоит заставить тебя побегать, чтобы ты, наконец, заслужил меня? – произнесла Анайя и через миг скрылась в темноте. Сенгтай понял, что его разыграли:

– Ах, вот ты как! Ну, берегись! – крикнул он вдогонку Анайе и вслед за ней исчез между деревьями.

Сенгтай нагнал Анайю рядом с воротами Таштака, и как только он схватил ее за руку, она обернулась, и они заключили друг друга в объятия, произнося слова любви и обмениваясь поцелуями. Спустя четверть часа они пересекли спящий Город-на-деревьях и скрылись в домике Сенгтая. Там они провели ночь, полную такой любви и нежности, словно это была их последняя ночь.

На рассвете, когда солнце еще не поднялось над горизонтом, и лес был окутан густым туманом, Анайя, обернувшись одеялом, вышла проводить Сенгтая в дальний и опасный путь, от которого он так и не смог отказаться. Она стояла рядом, пока он седлал лошадь. Когда все было готово, и пришла пора прощаться, Анайя, едва сдерживая слезы, спросила:

– Когда мы вновь увидимся?

– Не волнуйся, это ненадолго, – Сенгтай провел рукой по ее волосам, – поверь, я не в силах потерять то, что для меня дороже всего на свете.

– Ты говоришь обо мне? – всхлипнула Анайя.

– Конечно же, о тебе!

Анайя не выдержала и, рыдая, бросилась в объятия Сенгтая, обхватив его руками за шею.

– Я боюсь за тебя, я боюсь за нас! Когда ты вернешься? Я так не хочу оставаться одна!

– Успокойся, – Сенгтай гладил ее по голове, – не надо плакать. Вот смотри, – он отстранил Анайю и достал из-за пазухи амулет в виде орла с распростертыми крыльями.

Анайя вытерла слезы.

– Что это? – спросила она.

– Это старый амулет, – ответил Сенгтай, – он помогает найти то, что ищешь. Поможет и нам.

С этими словами Сенгтай разломил амулет пополам и протянул одну половину Анайе.

– Возьми его, теперь мы с тобой две половины этого амулета.

Анайя взяла половинку орла.

– Значит, он поможет нам найти друг друга? – спросила она с надеждой в голосе.

– Да, – ответил Сенгтай и крепко обнял Анайю.

– Всегда? – снова спросила она.

– Всегда, – сказал он в ответ.

Сенгтай уехал на поиски таинственного господина Даргона, чтобы выполнить последнюю волю своего учителя. Это случилось утром одиннадцатого дня месяца быстрых ручьев 2851 года Четвертой Эпохи. Сенгтай увез с собой сердце Анайи и ее любовь. Вернет ли он то, что взял с собой, и будут ли они снова вместе?

* * *

Погруженная в свои воспоминания Анайя не заметила, как тропинка привела ее к воротам Таштака. Солнце уже коснулось верхушек деревьев, и лес готовился погрузиться в темноту наступающей ночи. Голоса птиц стихли, звери забрались в норы, а назойливые насекомые уже не кружили в теплом воздухе, наполненном ароматом цветов.

Все живое готовилось ко сну, чтобы завтра с рассветом вновь наполнить мир своим присутствием.

Анайя почувствовала усталость. Но она была вызвана не столько физическим напряжением, сколько мучительным ожиданием чего-то неизвестного и чувством безысходности.

Пройдя через ворота, Анайя встретила Агота – капитана сторожевого отряда Таштака. Он спросил ее, как она провела день и все ли у нее хорошо. Анайя поблагодарила его за внимание, ответила, что с ней все хорошо и, пожелав ему спокойной ночи, поспешила домой.

Сидя на кровати в своем домике, Анайя почувствовала себя ужасно одинокой. Ей захотелось плакать. Несколько минут она сидела, борясь с подступающими слезами, а затем достала из-под подушки половинку амулета. Она лежала на ладони Анайи как напоминание о том, кто унес ее мысли с собой. «Где же ты? Как долгие будут твой путь домой?» – произнесла Анайя с грустью в голосе.

Неожиданно в дверь постучали, и Анайя, вздрогнув, вскочила с кровати. Ее взгляд заметался по комнате, словно она что-то искала. Затем, бросившись к подушке, Анайя засунула под нее обломок амулета и громким голосом произнесла: «Пожалуйста, входите!» Дверь медленно открылась, и на пороге появился мужчина лет сорока, небольшого роста, худощавый, с редкими седыми волосами. Анайя узнала в нем слугу князя Оты – Каспу. Каспа тихо вошел в дом и закрыл дверь.

– Простите меня за неожиданный визит, – сказал слуга, поклонившись, – но князь Ота просил меня передать вам его приглашение. Он хотел бы видеть вас сегодня вечером у себя, если это не затруднит вас, – Каспа снова поклонился.

– Передай князю, что я обязательно приду, – сказала Анайя, – вот только поужинаю и сразу же отправлюсь к нему.

– Хорошо, госпожа Анайя, я все так и передам, – Каспа повернулся и открыл дверь, – если хотите, я приду, чтобы проводить вас.

Анайя улыбнулась:

– Спасибо Каспа, но у тебя есть более важные дела.

– Ну что вы, госпожа Анайя, для меня это большая честь и огромное удовольствие – сопровождать такую прекрасную женщину, – ответил слуга искренне.

– Спасибо, мой друг, – Анайя взяла слугу за руку, – но я смогу дойти сама.

– Как скажете, госпожа. Но обещайте, что будете осторожны.

– Хорошо! – пообещала Анайя и вновь улыбнулась. Каспа кивнул и вышел, осторожно прикрыв за собой дверь. Анайя слышала тихий скрип лестницы, пока слуга спускался вниз. Когда все звуки стихли, Анайя принялась готовить ужин. Голод все настойчивее давал о себе знать.

Закончив ужин, Анайя тихо покинула свой маленький уютный домик и отправилась в гости к князю Оте. Поднявшись по лестнице, она осторожно открыла дверь и вошла в полумрак комнаты князя. Пара свечей горела на небольшом плетеном столике рядом с кроватью Оты. Сам Ота лежал в кровати, и глаза его были закрыты. Анайя решила, что старый князь устал и уснул, не дождавшись ее прихода. Но лишь только Анайя повернулась, чтобы уйти, как услышала голос Оты:

– Неужели ты собираешься уйти, даже не поздоровавшись со мной?

Анайя обернулась. Ота все так же лежал в кровати, но теперь глаза его были открыты и смотрели на нее из-под густых седых бровей. Анайя прикрыла дверь и подошла к кровати. Присев на край, она взяла его руку, прижала к своей щеке и произнесла:

– Вы же знаете, что это не так, дедушка.

Ота улыбнулся:

– Милая Анайя, когда ты так называешь меня, мне становится так тепло, словно я завернут в мягкие пуховые одеяла. Твои добрые слова заставляют меня забыть о болезнях и невзгодах.

Анайя улыбнулась. А Ота продолжил:

– Ты ведь знаешь, у меня нет внуков и мой единственный сын сейчас далеко отсюда, но твое присутствие делает мою жизнь счастливой. Ах, как бы я хотел иметь такую внучку под конец жизни!

– Не говорите так, дедушка, вам еще рано об этом думать, – сказала Анайя.

Ота тяжело вздохнул:

– Поверь мне, дорогая, я не стал бы волновать тебя без причин. Я же вижу, как ты мучаешься от одиночества, как страдаешь. Был бы рад помочь тебе..., – Ота закашлялся.

– Вы уже помогаете мне, – сказала Анайя, отпустив его руки и вставая с постели, чтобы подать чашку с настоем из лекарственных трав, – тем, что скрашивает мое одиночество, уделяя мне так много внимания.

Анайя поднесла чашку к губам Оты:

– Выпейте, это поможет вам.

Ота сделал глоток и вновь повернулся к Анайе:

– Я слишком стар, Анайя. Я чувствую, как смерть приближается ко мне. Кто знает, сколько времени осталось?

Анайя хотела что-то сказать, но Ота остановил ее:

– Я лишь хочу, чтобы ты нашла свое счастье. Если ты будешь счастлива, я смогу спокойно умереть.

– Не думайте о смерти, дедушка, вы пугаете меня! – произнесла Анайя, прижав руку к груди.

– Не бойся, дорогая, смерть не страшна. Я могу с уверенностью утверждать это, потому что прожил долгую жизнь. Я боюсь за тебя. Кто станет твоей опорой, когда я покину этот мир?

– Если вы не умрете до тех пор, пока я не стану счастлива, то я не стану искать счастья, и вы будете жить еще очень долго, – сказала Анайя и улыбнулась.

– И ты заставишь старика мучиться еще долгие годы? – спросил князь.

Анайя смутилась.

– Нет, девочка, не моя жизнь важна теперь, а твоя. Я прожил на этом свете больше ста лет и уверяю тебя – я был счастлив. Теперь пришла твоя очередь.

– Я понимаю вас, дедушка, – сказала Анайя и погладила старика по руке.

– Вот и хорошо, – ответил Ота, – а теперь давай поговорим о тебе.

– Что вы хотите услышать? – Анайя удивленно посмотрела на князя.

– Вы же все обо мне знаете.

– Может, так, а, может, и нет, – отозвался Ота, – я хоть и не встаю с постели последние два месяца, но все же вижу, что что-то изменилось.

– И что же? – спросила Анайя, смущенно опустив взгляд.

– Вот ты мне и расскажи, – предложил Ота.

Анайя не поднимала глаз, словно пыталась скрыть от князя то, что он мог заметить в ее взгляде.

Наступила тишина. Анайя смотрела на пляшущие огоньки свечей и о чем-то думала. Ота внимательно следил за ней. Он чувствовал, что она страдает, и очень хотел помочь.

– Расскажи мне о своих друзьях, – попросил князь, нарушив затянувшуюся паузу, – с которыми ты пришла сюда год назад.

– Их зовут Сенгтай и Ханами, они братья. Вы ведь знаете, – сказала она тихим грустным голосом.

– Знаю, – произнес Ота, – но есть что-то, чего я не знаю. После их отъезда ты сильно изменилась. Предполагаю, что перемены связаны именно с этим.

– Вы правы, – Анайя вздохнула и повернулась к князю, – будет лучше, если я все вам расскажу.

И Анайя поведала Оте о том, что произошло с ней за последние два года и о том, что заставляет ее так страдать и искать одиночества. Ее рассказ был подробным и красочным и, слушая Анайю, Ота все лучше понимал, насколько глубоко затронула любовь сердце этой девушки и как мучительна для нее разлука с любимым. Когда Анайя закончила свой рассказ, Ота заметил, как две слезинки скатились по ее щекам и упали на одежду. Она и сама заметила это и попыталась незаметно вытереть глаза. Однако Ота, не желая, чтобы Анайя замкнулась в своих воспоминаниях, решил продолжить разговор:

– Значит, ваш наставник господин Екои поручил Сенгтаю доставить письмо некоему господину Даргону?

– Да, – коротко ответила Анайя и снова вытерла глаза рукавом.

– Странно, – задумчиво произнес Ота, – почему же вы сразу не направились в Таулос к императору? Что заставило Сенгтая выбрать этот путь, ведущий в сторону от столицы империи?

– Не знаю, наверно, так велел господин Екои, – предположила Анайя.

– Видимо, да. Ты знаешь, – Ота тронул Анайю за руку, привлекая ее внимание, – я не говорил тебе раньше, но я много лет был знаком с господином Екои.

– Правда? – Анайя повернулась к князю. – Почему же вы не сказали мне раньше?

– В голову не приходило, что для тебя это будет так важно, – Ота пожал плечами.

– Что вы знаете о Екои? – спросила Анайя.

– Не так уж и много, несмотря на то, что мы были знакомы, кажется, целую вечность. Екои был довольно странным, можно сказать, таинственным, но одно я могу сказать точно – он был человеком добрым, мудрым и благородным.

– Да, – произнесла Анайя, соглашаясь с князем, – а еще он был чудесным целителем. Если бы он был жив, то непременно вылечил бы вас, дедушка.

Ота улыбнулся:

– Не будем об этом. Никто не в силах отворить старость.

– Жаль, что мы не знаем ничего о господине Даргоне, – сказала Анайя после короткой паузы.

– Боюсь, что это мы ничего не знаем, а вот Сенгтай, видимо, что-то знает, – отозвался Ота.

– Вы так думаете? – Анайя пристально посмотрела ему в глаза.

– Да. Екои не стал бы посылать своего лучшего ученика неизвестно куда, чтобы найти неизвестно кого. Думаю, кое-что Екои успел рассказать Сенгтаю перед смертью, – ответил Ота.

– Тогда почему он ничего не сказал ни мне, ни Ханами? – удивленно спросила Анайя.

– Наверно, так хотел ваш учитель. Мне кажется, он заранее определил ваши пути. Ханами должен был отправиться к императору, Сенгтай – найти Даргона, а ты – остаться здесь.

– Странно, если Сенгтай был его любимым учеником, почему же он отправил его в такое опасное место как этот лес... – Анайя пыталась вспомнить название.

– Я не сказал любимым, я сказал лучшим, – поправил ее князь.

– А какая разница? – Анайя посмотрела на старика с удивлением.

– Видишь ли, для любимых выбирают самое хорошее, а для лучших – самое трудное, – объяснил Ота.

Глаза Анайи округлились.

– Значит, – сказала она дрожащим от волнения голосом, – Сенгтай может погибнуть?

Ота тяжело вздохнул:

– К сожалению, я не знаю, о чем думал Екои, когда просил Сенгтая отправиться в лес Гакхи, но думаю, он не стал бы посылать его на верную смерть.

– А что это за лес? Почему его так бояться? – спросила Анайя, едва не плача.

Ота нахмурился:

– Я слышал о нем не много. Слышал, что когда-то там жили народы таров, великие охотники, не знающие страха. Но однажды что-то случилось, что именно – я не знаю, да и никто не знает. Это было очень давно, когда еще прадед моего прадеда не появился на свет. Тогда ходили слухи, что в лесу Гакхи поселился ужас. Все живое покинуло те места, и даже деревья не давали больше плодов. Тары бежали из тех мест, гонимые необъяснимым страхом. Они перешли Эль, пересекли равнину и поселились в лесах вдоль русла Та, подальше от этого гиблого места. Сейчас только санилы – скотоводы и землепашцы – живут вдоль берегов Эль, но даже их поселения стоят далеко от опушки мертвого леса.

– Ханами говорил, что это лес блуждающих теней, – сказала Анайя, неожиданно вспомнив его слова.

– Да, я тоже слышал это название, – ответил Ота.

– А что это за тени? – спросила Анайя.

– Кто знает, – Ота пожал плечами, – говорят, что это тени из глубины веков, тени забытых цивилизаций, затерянных в потоке времени, но точно никто не может сказать.

– А еще Ханами сказал, что никто не может вернуться из этого леса, – Анайя вся сжалась от страха.

– Когда уехал Сенгтай? – спросил Ота.

– В середине весны, – ответила Анайя.

– Видимо, в начале лета он уже добрался до Гакхи, – размышлял вслух князь.

– Что это значит? – спросила Анайя.

– Это значит, что Сенгтай уже должен был вернуться, – Ота посмотрел на Анайю и добавил, – боюсь, что если он не вернется через пол года, то не вернется никогда.

Анайя вздрогнула, и ее глаза вновь наполнились слезами. Ота взял ее за руку:

– Прости меня, но я не хочу давать тебе ложную надежду. Но не забывай и о том, что все еще может обойтись. Ты должна верить.

После полуночи Анайя вернулась в свой домик и легла в постель. Она проплакала всю ночь, уткнувшись лицом в подушку, и лишь когда первые лучи солнца окрасили небо в розовый цвет, сон завладел ею. Так начался пятнадцатый день месяца белого солнца.

Глава 3

*Когда наступает день, и ярко светит солнце,
я вижу, как огромен мир, в котором мы живем.
И только с наступлением ночи,
когда свет солнца сменяется темнотой,
я понимаю, что это не так.*

Холодный ветер гнал тучи по небу. Листья деревьев тревожно шуршали, и высокая трава склонялась до самой земли. Этот ветер был явлением довольно редким в концевесны. Но именно он являлся убедительным доказательством того, что нет ничего постоянного в этом мире.

Свинцовые тучи, как стадо испуганных животных, стремительно неслись на запад, туда, где посреди мрачного леса Гакхи возвышалась Сумеречная гора, окутанная вечной мглой. Густой туман, покрывающий ее крутые склоны, клубился при порывах ветра, двигаясь огромной серой массой, так что со стороны казалось, будто сама Сумеречная гора, устав от вечной неподвижности, пришла в движение и пытается покинуть свое жуткое место.

Именно там, в недрах этой горы, посреди холодной пещеры, тускло освещенной огнями факелов, стоял Сенгтай, сделавший последний шаг на пути своего долгого и опасного путешествия.

Вглядываясь в полумрак пещеры, Сенгтай заметил силуэт человека, сидевшего в дальнем углу. Тишину нарушало лишь тихое потрескивание горящих факелов. Сенгтай колебался, не зная, что ему делать: окликнуть незнакомца, если тот еще не заметил его присутствия, или же молча стоять, ожидая, когда его заметят. Сенгтай поднес руку ко рту и громко кашлянул. Эхо прокатилось по пещере, отразившись от стен, и затихло где-то высоко под сводами. Но человек, сидящий в углу, казалось, этого не заметил. Сенгтай был в недоумении. Постояв еще минуту, он решился подойти ближе, но стоило ему сделать шаг, как из темного угла вдруг раздался голос:

– Не надо, ближе не подходи.

Сенгтай вздрогнул и отшатнулся, но тут же, собравшись с мыслями, произнес:

– Простите, я не хотел вас потревожить, просто мне показалось, что вы меня не заметили.

– Не заметил? – услышал в ответ Сенгтай.

– Я тебя не заметил? – таинственный собеседник был явно удивлен и вдруг рассмеялся. Смех его был настолько громким, что Сенгтай втянул голову в плечи и попятился назад. Ему показалось, что каменные стены рухнут от этого звука и навсегда похоронят здесь и его, и этого странного человека. Но незнакомец довольно быстро успокоился.

– Куда же ты? – спросил он, видя, что Сенгтай медленно отходит назад.

– Никуда. Я никуда не уйду, – быстро сказал Сенгтай, поняв, что попал в довольно глупое положение.

– Ты рассмешил меня, – продолжил незнакомец, – как, ты говоришь, твое имя? Сенгтай?

– Да.

– Что ж, Сенгтай, давай вернемся к тому, что привело тебя сюда.

Сенгтай увидел, как человек встал и медленно двинулся навстречу. Еще шаг, и он оказался в свете факелов. Только теперь Сенгтай смог разглядеть своего собеседника. Им оказался старик в длинном сером балахоне, подпоясанном тонким кожаным шнурком. Длинные седые волосы опускались на его широкие плечи, а усы и борода доставали до пояса. Старик был высокого роста, примерно на полголовы выше Сенгтая, суховат, но крепок. Лицо старика Сенгтай не успел хорошо рассмотреть в тусклом свете факелов, но оно показалось ему строгим

и спокойным. А еще юноша заметил, что старик старался не смотреть в глаза собеседнику. Он лишь раз бросил быстрый взгляд на Сенгтая и сразу отвел глаза. Но стоило ли придавать этому значение? У каждого человека свои особенности.

– Ты сказал, что принес письмо, – произнес старик. – Где же оно?

– У меня, – ответил Сенгтай.

– Тогда давай его, – старик протянул руку.

Рука была крепкой, с длинными узловатыми пальцами и темной обветренной кожей, покрытой глубокими морщинами. На ладонях и костяшках пальцев Сенгтай увидел мозоли, которые свидетельствовали о том, что эти руки не боятся тяжелой работы и до сих пор не знают покоя, несмотря на почтенный возраст их хозяина. Не отрывая взгляда от руки, Сенгтай немного отклонился назад и сказал:

– Простите, но я не могу отдать вам письмо.

– Почему же? – спросил старик, опустив руку.

– Видите ли, оно предназначено господину Даргону, и я могу передать его только ему и только лично в руки, – ответил Сенгтай и многозначительно посмотрел на старика.

Тот нахмурился и, повернувшись боком к Сенгтаю, о чем-то задумался. Сенгтай неподвижно стоял рядом и ждал. Наконец, старик сказал:

– Я вижу ты довольно смысленный парень, Сенгтай. Ну что ж, – старик провел рукой по бороде, – видимо, нет смысла скрываться и стоит признать: ты меня удивил своей смелостью и находчивостью. Да-а! – старик прищурил глаз. – Давно я не встречал таких ловких и настойчивых молодых людей.

Сенгтай, молча, смотрел на старика. Но при этом чувствовал нарастающее волнение, вызванное словами незнакомца. И вновь затеплилась надежда, что долгий и трудный путь, который он проделал, пройдя от храма Вечного Солнца до Сумеречной горы, не был напрасным. В это время старик, не спеша, подошел к Сенгтаю и произнес:

– Видимо, пришло время представиться. Я – господин Даргон, тот самый, которого ты искал. Поздравляю тебя, мой маленький друг, – он похлопал Сенгтая по плечу, – ты выполнил последнюю волю своего учителя.

Сенгтай словно окаменел. Сейчас, когда он, наконец, достиг своей цели, ему почему-то было очень трудно в это поверить. Мысли путались, и сердце билось, словно птица в клетке. Сенгтай не мог понять, почему же именно сейчас, когда все трудности позади, ему вдруг стало так тревожно? Почему в конце пути так хочется оглянуться назад? И внезапно он понял, что пройденный путь, несмотря на все трудности и опасности, все же был его пройденным путем. Он был частью его жизни, возможно, не самой лучшей, но зато уже известной. Неизвестность тревожила. Раньше он не задумывался об этом. Будущее казалось ему далеким и неопределенным, но сейчас Сенгтай стоял на пороге своего будущего. Словно прожив много лет в одном доме и ни разу не покинув его пределы, он вдруг открыл дверь, и свежий ветер ворвался в дом, принес с собой новые запахи и звуки. Пришла пора сделать выбор между тем, с чем он жил всю жизнь и что было ему хорошо знакомо, и тем, что ожидало его там, за далеким горизонтом грядущих дней. Но Сенгтай не был готов сделать выбор.

С трудом отогнав тяжелые мысли, он попытался сосредоточиться на происходящем. А в это время Даргон стоял рядом и наблюдал за внутренней борьбой Сенгтая, и когда, наконец, Сенгтай вернулся к реальности, Даргон спросил:

– Могу я получить письмо, которое ты мне принес?

– Да-да, конечно! Вот оно, возьмите, – Сенгтай поспешно достал большой конверт с печатью и протянул его Даргону, – извините, я задумался, – добавил он и с почтением поклонился.

Даргон медленно взял письмо из рук Сенгтая.

– Ничего страшного, людям свойственно иногда думать, – сказал он, отходя в сторону и извлекая содержимое из конверта.

Развернув лист желтой бумаги, сложенный пополам, Даргон бросил взгляд на аккуратные строки и снова сложил его. Не оборачиваясь, он произнес:

– Ты можешь располагаться, найди себе удобное место. Тебе придется провести несколько дней у меня в гостях. Нам необходимо о многом поговорить, прежде чем ты уйдешь, а я пока прочту послание твоего учителя.

– Хорошо, – ответил Сенгтай, – как вам будет угодно.

Даргон снял со стены факел и установил его в дальнем углу, где сидел, когда Сенгтай появился здесь. Там стояло большое деревянное кресло, застеленное шкурой медведя. Рядом находилась кровать с соломенным матрасом и одеялом из толстой грубой ткани. Больше в пещере ничего не было.

Даргон жил один и гостей явно не ждал, поэтому Сенгтаю пришлось соорудить некое подобие кровати самому. За лестницей Сенгтай обнаружил большую охапку хвороста, в которой были и еще совсем свежие ветки. Собрав необходимое количество, он отнес их в противоположный от Даргона пустующий угол. Сбросив ветки на пол, Сенгтай достал из своей походной сумки одеяло и положил его сверху, прижав по краям небольшими плоскими камнями. Получилась, быть может, не самая мягкая и удобная, но, все же, кровать. Сенгтай осторожно сел на нее, а затем медленно откинулся на спину. Тонкие упругие ветки кололись сквозь одеяло. «Ничего, за ночь все примнется и станет гораздо удобнее, – подумал Сенгтай. – Только бы не было слишком холодно в этой пещере».

Но холодно в пещере не было. Напротив, с каждой минутой Сенгтай все больше погружался в ощущение тепла и покоя, которое исходило от стен и потолка. Он чувствовал, как проваливается в забытие, манящее своей безмятежностью.

Пару раз усилием воли Сенгтай пытался вырваться из этого состояния и вернуться к реальности, но чем сильнее он старался, тем труднее было это сделать, и уже через четверть часа Сенгтай оставил свои безнадежные попытки и уснул. Он будет спать долго и спокойно, и ничто не потревожит его сон, который так нужен был ему сейчас.

Дождавшись пока его гость уснет, Даргон открыл письмо. Он снова посмотрел на аккуратно выведенные слова, заполнившие лист желтой бумаги. На мгновение Даргон отвел глаза и задумался, словно пытаясь угадать, что было написано в этом письме, ставшим последним в жизни наставника храма Вечного Солнца. Но через миг он снова опустил глаза и целиком погрузился в чтение.

Из письма господина Екои:

«... Мой дорогой брат. Прости, что давно не писал тебе. Теперь у меня есть возможность исправить это, но, к сожалению, повод для письма не самый приятный. Недобрые предчувствия, вызванные странными событиями, тревожат меня, и я не знаю, что мне делать. Не представляю, как объяснить тебе, но думаю, ты все поймешь сам.

Меня не покидает чувство, что за мной следят. Оно появилось несколько лет назад. Сначала я не придавал этому значения, но позапрошлой зимой, около полуночи 27 дня месяца старого снега, я вышел на улицу, чтобы посмотреть на луну и вдохнуть свежего морозного воздуха перед сном. И лишь только я ступил за порог, как взгляд мой уловил едва заметную тень, метнувшуюся от стены храма в лесную чащу. Сначала я, не обратив внимания на одно важное обстоятельство, решил, что это разбойник пытался пожить чем-нибудь из утвари, сложенной у стены, как раз в том месте, где он прятался. К нам часто забредают разные люди и, к сожалению, не все они приходят с добром. Но потом, спустя несколько недель, я вдруг снова вспомнил этот случай. И знаешь, что тогда я заметил? Убегая, таинственный пришелец не вспугнул ни одной птицы, а ведь их очень много в окрестных лесах.

Тогда-то я и почувствовал неладное. Кто мог ночью двигаться по лесу так, чтобы ни одна птица не заметила этого?

Подозрения закрались в мое сердце, и я стал более внимателен. Также я вспомнил, как когда-то ты, брат, предупреждал меня, что не стоит полагать, будто прошлое легко отпустит меня, и надо быть более скрытным в своих действиях, но только теперь я понял, как ты был прав.

После того случая я больше никогда не видел этих людей, но порой очень ясно ощущал их невидимое присутствие. Не знаю, как объяснить, но мне все больше кажется, что они приходят сюда не зря. Думаю, эти таинственные визиты вызваны вовсе не любопытством, и мне страшно подумать о том, какую цель они преследуют.

Пишу тебе о своих подозрениях вовсе не оттого, что я напуган. Считаю необходимым сообщить об этом на тот случай, если произойдет то, чего мы не ожидаем.

Посылаю это письмо с моим лучшим учеником. Прими его радушно, а если вдруг мои опасения сбудутся, то позаботься о нем так, как позаботился бы обо мне.

С уважением твой брат Екои.

Тринадцатый день месяца белого солнца. 2850 год»

Прочитав письмо, Даргон свернул его и положил на колени. Его лицо не выражало никаких эмоций. Даргон, молча, смотрел в полутьму пещеры, думая о чем-то, известном только ему одному.

* * *

Проснувшись рано утром, Сенгтай обнаружил, что кроме него в пещере никого нет. Оглядевшись, он увидел тлеющие угли костра. Судя по всему, огонь погас пару часов назад. В углу, где стояла кровать Даргона, было пусто, и лишь измятый соломенный матрас свидетельствовал о том, что здесь кто-то спал.

Сенгтай поднялся на ноги. Сняв со стены горящий факел, он решил воспользоваться отсутствием хозяина и осмотреть получше свое новое пристанище. «Странно, куда он ушел? – подумал Сенгтай. – И вообще, сейчас день или ночь?». Ответа на этот вопрос Сенгтай так и не получил. Пещера была слишком глубоко под землей и ни солнечный свет, ни ночная прохлада не могли проникнуть сюда.

Подняв факел над головой, Сенгтай пересек пещеру и нырнул под лестницу, туда, где недавно нашел большую охапку хвороста. Посветив, Сенгтай обнаружил, что она значительно уменьшилась. «Видимо, старик не спал всю ночь», – подумал он и, собрав остатки дров, отнес их к тому месту, где тлели угли недавнего костра.

Наломав веток, Сенгтай уложил их поверх углей и, встав на колени и склонившись до самой земли, осторожно подул. Через несколько секунд небольшие язычки пламени, разбуженные его дыханием, потянулись вверх, словно ощупывая сухие ветки. И уже через минуту костер вновь весело затрещал, освещая стены пещеры. Дождавшись, когда огонь разгорится сильнее, Сенгтай приступил к исследованию каменного дома господина Даргона. Подойдя к стене, расположенной справа от входа, он стал тщательно осматривать все, что попадалось на глаза.

Но находки не вызывали интереса. В основном это были предметы домашней утвари: кувшины, чаши, деревянные ложки и некоторые инструменты вроде старого тупого топора и такой же старой и тупой кирки.

Следуя вдоль стены, Сенгтай добрался до угла и здесь нашел связку стрел. Осмотрев их, он обнаружил, что стрелы совсем новые. Видимо, Даргон делал их сам. Потом юноша пошел вдоль длинной стены, расположенной прямо напротив входа. Это было последнее место, достойное внимания, поскольку все остальное он уже успел изучить. В углу, слева от входа, стояли кресло и кровать Даргона, а в нескольких шагах от них лежала охапка хвороста, накры-

тая одеялом на которой спал Сенгтай. Дойдя до середины стены, Сенгтай ничего не обнаружил, однако ближе к левому углу он заметил странное углубление. Поднеся факел поближе, Сенгтай заглянул в нишу и замер от изумления и восхищения. В глубине ниши стоял деревянный футляр, покрытый темным лаком. Стенки футляра тускло поблескивали, отражая свет факела, а внутри на двух резных подставках в форме драконов лежал меч. Это был необычный меч. Подобных ему Сенгтай еще ни разу не видел. Длинный узкий клинок покоился в отделанных золотой нитью черных кожаных ножнах. Рукоять обвивала полоса из той же черной кожи. Было в этом мече что-то, что притягивало взгляд. Не дорогая отделка, нет. Сенгтай видел мечи куда более изысканные, украшенные драгоценными камнями и отполированные до блеска.

В этом клинке было нечто иное. Лезвие было слишком длинным, более метра, и слишком узким, не шире двух пальцев. Он очень отличался от обычных мечей, широких и коротких. В нем не было блеска роскоши и особенной красоты, но Сенгтай почувствовал в клинке какую-то необыкновенную силу, которая странным образом соседствовала с кажущейся хрупкостью и изяществом.

Около получаса Сенгтай разглядывал этот странный меч. Без сомнения, он принадлежал Даргону, и поэтому Сенгтай решил, что когда тот вернется, он обязательно попросит разрешения посмотреть меч поближе.

Однако время шло, Даргон не возвращался, а руки Сенгтая чесались от желания взять меч старика. Но неожиданно он услышал звук шагов, доносившихся из туннеля, ведущего в пещеру. Сенгтай вернулся на свое место и стал ждать появления Даргона.

Через пару минут старик появился на лестнице. Остановившись, он огляделся. Заметив Сенгтая, Даргон кивнул и вышел на середину пещеры.

– Я вижу, ты уже проснулся, мой маленький друг? – спросил он.

– Да, господин Даргон, только что, – ответил Сенгтай.

– Тогда помоги мне, – сказал старик, и большая вязанка дров и два убитых зайца шлепнулись на пол.

Сенгтай вскочил с места и бросился к Даргону.

– Не торопись, Сенгтай, зайцы никуда не убегут, они ведь мертвые. Дрова тоже никуда ни денутся. Не стоит так спешить, – приговаривал Даргон, глядя на Сенгтая, когда тот тащил дрова под лестницу.

Подобрав зайцев, старик отнес их к костру и бросил рядом.

– Как тебе спалось? – спросил Даргон, когда Сенгтай, сложив дрова, вернулся к догорающему огню.

– Спасибо, очень хорошо, – ответил Сенгтай, – вот только ночь прошла слишком быстро.

– Ночь, день и еще одна ночь, – поправил его Даргон. – Ты проспал всю ночь, весь следующий день и следующую ночь, – пояснил он, – сегодня третий день твоего пребывания здесь.

– Не может быть! – Сенгтай был удивлен. – Я никогда не спал так долго.

– Это не так важно, – старик махнул рукой, – главное, что сон пошел тебе на пользу. Скажи, ты уже успел ознакомиться с моим домом?

Сенгтай почувствовал, что вопрос этот был задан не зря. Сначала он хотел соврать, чтобы скрыть свое любопытство, которое считалось плохим тоном, но почти сразу передумал.

– Да, господин Даргон, в ваше отсутствие, пока вас не было... – Сенгтай пытался объяснить свои действия, но слов не находил.

Он чувствовал себя глупым и ужасно невоспитанным. Даргон внимательно следил за поведением Сенгтая, словно пытался разглядеть, что происходит у того в душе. Неожиданно он сказал:

– Довольно, не стоит оправдываться. Ты не совершил ничего дурного.

Для Сенгтая такой поворот событий стал большим облегчением, и все же необходимо было хотя бы извиниться.

– Простите меня, если я повел себя недостойно, но я действительно не хотел сделать ничего плохого, – произнес Сенгтай и низко поклонился.

– Я же сказал, что не виню тебя, – повторил Даргон, – забудем об этом.

– Да, конечно, простите, – Сенгтай снова поклонился.

Наступила тишина. Даргон о чем-то задумался, не обращая внимания на Сенгтая, стоявшего в стороне, не зная, что делать.

Наконец, Сенгтай вернулся в свой угол и сел там, стараясь не привлекать к себе внимания. Прошло довольно много времени, прежде чем Даргон наконец, нарушил тишину:

– Что ж, Сенгтай, пришла пора обедать. Как ты считаешь?

– Да, конечно, если вам будет угодно!

– Хорошо, – произнес Даргон, – тогда я приготовлю самое вкусное мясо, которое ты когда-либо пробовал в своей жизни, – с этими словами старик поднялся с места и взял с пола заячьи тушки. Он довольно ловко снял шкурки и выпотрошил обоих зайцев. Нанизав их на вертел, Даргон установил его над костром. Затем, вернувшись к своей кровати, он достал из-под нее небольшую бутылку с красной жидкостью и кожаный мешочек, перевязанный шнурком. Вернувшись к костру, Даргон открыл бутылку и плеснул жидкость на дрова. Огонь сразу же ослабел, издав недовольное шипение, и облачко пара поднялось вверх, скрыв на мгновение заячьи тушки. Даргон повернул вертел и снова плеснул жидкость из бутылки. Снова раздалось шипение, и облачко пара окутало будущий обед. Пламя почти угасло, лишь изредка пробиваясь из-под намокших дров. Даргон закрыл бутылку и поставил ее на место. Взяв в руки мешочек и развязав его, он достал оттуда горсть измельченных сушеных листьев и кореньев. Рассыпав их на ладони, Даргон поднес руку к лицу и осторожно дунул. Легкая смесь слетела с его ладони и опустилась на сырые дрова. Через несколько секунд сизый дымок потянулся вверх, пропитывая мясо пряным и удивительно приятным запахом.

Наблюдая за Даргоном, Сенгтай не выдержал и спросил:

– Глядя на вас, господин Даргон, создается впечатление, что вы раньше были хорошим поваром. Признайтесь, это так?

Даргон засмеялся.

– Мой маленький друг, готов тебе признаться – я никогда не был поваром, но долгая жизнь в одиночестве и желание вкусно поесть научили меня хорошо готовить.

– Но почему вы живете один? Разве общество людей угнетает вас?

– снова спросил Сенгтай.

– Вовсе нет, – ответил Даргон. – Но некоторые мои способности следует скрывать от непосвященных.

– Я не совсем понимаю вас... – начал было Сенгтай, но Даргон не дал ему закончить.

– Не сейчас, Сенгтай, давай дождемся, когда обед будет готов, а после мы обязательно поговорим с тобой о многом, что сейчас так важно.

– О чем? – спросил Сенгтай, не совсем понимая, о чем идет речь.

– О тебе, конечно же, – ответил Даргон, – и о том, что произошло в храме Вечного Солнца.

– Хорошо, – Сенгтай пожал плечами, не понимая, для чего нужно ждать так долго.

Наступила тишина. Даргон продолжал возиться у костра, а Сенгтай, прислонившись к стене, молча, наблюдал за ним.

Спустя час, когда вкусный и сытный обед был приготовлен и съеден, Сенгтай и Даргон расположились около костра, чтобы обсудить то, что привело Сенгтая в скромное жилище необыкновенного старика. По просьбе Даргона Сенгтай рассказал ему свою историю с самого начала, то есть с того момента, как он попал в храм Вечного Солнца, и до того трагического дня, когда ему вместе с Ханами и Анаией пришлось покинуть храм. Однако этот момент помнился очень смутно. Но именно на нем Даргон и старался сконцентрировать внимание Сенгтая.

– Ты хорошо помнишь тот день, когда на Храм было совершено нападение? – спросил Даргон.

– Мне трудно вспомнить подробности, – ответил Сенгтай, пожав печами. – Как только я пытаюсь вспомнить детали, они словно покрываются туманом. – Сенгтай с трудом подбирал слова, чтобы объяснить старику то, чего он и сам до конца не понимал, но казалось, что Даргону этого не нужно.

– Я понял тебя, – сказал Даргон и, задумавшись, провел рукой по бороде. Спустя минуту он снова спросил:

– А хорошо ли ты помнишь, что происходило за несколько дней до нападения на Храм?

– Да, – ответил Сенгтай.

– И что же?

– За пять дней до этого начался праздник созревающего урожая.

Вы слышали о таком? – Сенгтай неуверенно посмотрел на Даргона. Тот сидел, глядя на огонь, и на вопрос Сенгтая утвердительно кивнул головой.

– В эти дни ничего особенного не происходило. Работы были остановлены, мы слонялись без дела. Жизнь в храме, можно сказать, затихла, – Сенгтай замолчал и снова посмотрел на Даргона.

Не отводя глаз от костра, старик спросил:

– А, что, ваш наставник, как он себя вел в эти дни?

– Мы почти его не видели. Занятий с нами он не проводил, – Сенгтай снова пожал плечами.

– Подумай хорошо и постарайся вспомнить, может, господин Екои был чем-то встревожен? Тебе так не показалось? Говорил ли он вам что-нибудь такое, что могло показаться странным? – уточнил Даргон.

Сенгтай задумался. В его памяти промелькнуло что-то такое, что могло бы показаться необычным, но Сенгтаю никак не удавалось поймать это воспоминание. Он попытался вспомнить Екои, но его образ тоже был окутан туманом. Сенгтай не выдержал и сдался.

– Простите, господин Даргон, но я не могу вспомнить ничего такого.

– Ладно, – Даргон встал и неторопливо зашагал по пещере, – я попробую тебе помочь.

Сенгтай следил за Даргоном, ожидая обещанной помощи.

– Вспомни, Сенгтай, – неожиданно произнес старик, – не собирался ли Екои распустить обитателей храма или хотя бы на время отправить их куда-нибудь?

Сенгтай задумался. Вдруг, откуда ни возьмись, в его памяти стали всплывать моменты, связанные с тем, о чем спрашивал Даргон.

– Подождите, я, кажется, вспомнил! – воскликнул Сенгтай, – действительно, господин Екои спрашивал, есть ли у кого-нибудь из нас родственники или друзья в близлежащих поселениях на земле яни или вдоль берегов Та. Он предлагал тем, у кого есть такая возможность, отправиться туда на праздники.

– Понятно, – задумчиво произнес Даргон, – что-то еще?

– Да, еще мне показалось странным, что тех, кто недавно заболел, господин Екои отправлял лечиться в Илис – небольшой городок на берегу океана, в четырех днях пути от храма.

– Почему именно туда? – спросил Даргон, удивленно подняв брови.

– Там живет очень хороший лекарь. Кажется, его зовут Риней. Я слышал, что давным-давно этот Риней был учеником господина Екои, – стал объяснять Сенгтай, – но самым удивительным было то, что господин Екои и сам был прекрасным лекарем и всегда лично занимался здоровьем обитателей храма. Зачем же ему понадобилось отправлять больных в такую даль? – Сенгтай вопросительно посмотрел на Даргона. Старик стоял к нему вполборота, и, казалось, не слышал вопроса. Однако через пару мгновений он произнес:

– Да, все это довольно странно. А что ты думаешь об этом?

– Не знаю, – Сengtай вздохнул.

– Ты помнишь само нападение? – спросил Даргон.

– Очень смутно, – ответил Сengtай, – все происходило будто во сне. Я не слышал ни криков, ни шума сражения, был словно в оцепенении.

– Ты видел нападавших?

– И да, и нет. Мне показалось, что я видел людей, облаченных в странные одежды, закрывающие все тело и даже лицо, но я не могу описать их подробно. Я даже не знаю, сколько их было. Мы метались по двору храма, охваченные паникой, не понимая, что происходит. Я постоянно наткался на тела, лежащие на земле.

Это были мои товарищи, и они были мертвы... – Сengtай на мгновение замолчал, вновь переживая события тех дней. Затем он продолжил:

– Некоторое время спустя, вспоминая это день, я часто думал о том, почему же никто из них не смог убежать, спрятаться, ведь это было не так уж и сложно. Вместо этого все кружили по двору храма, словно лошади, привязанные к столбу.

– А как тебе удалось убежать? – спросил Даргон.

– Не знаю, что произошло, но я вдруг пришел в себя. Я увидел все, что происходит вокруг. Мне стало очень страшно, и я бросился искать господина Екои. Он был у себя, когда я его нашел. Я стал звать его, попытался рассказать, что происходит снаружи, но он словно не хотел меня слушать. Он протянул мне запечатанный конверт и сказал, что я должен отнести его господину Даргону, то есть вам, – уточнил Сengtай.

Даргон, молча, кивнул, и Сengtай продолжил:

– Екои объяснил, как вас найти и просил немедленно отправиться в путь....

– Это он велел тебе идти на север, к землям инаров? – спросил Даргон, прервав рассказ Сengtая.

– Да, господин Екои велел сначала отправиться туда и переждать там несколько месяцев. Он предупреждал, что за нами могут следить, и я не должен следовать в лес Гакхи, пока не буду уверен, что мое присутствие в Таштаке осталось тайной для нападавших.

– А твой брат и Анайя тоже получили задание от господина Екои? – поинтересовался Даргон.

– Нет, только я, они даже не знали, куда и зачем мы идем. Я нашел их на заднем дворе храма под перевернутой повозкой и вывел за стены храмового сада.

– Это Екои сказал тебе, где их искать? – спросил Даргон, и в голосе его чувствовалась уверенность в том, что он уже знает ответ.

– Да, – ответил Сengtай.

– Продолжай, – сказал Даргон и направился к своему креслу.

– Покинув храм, мы пересекли равнину и добрались до холмов, что у южной стороны леса. Там мы скрывались в высокой траве. Передвигались только ночью, а днем прятались. Так мне велел учитель. Затем мы добрались до леса и двигались вдаль от больших дорог, по которым ходят обозы. Через двадцать дней мы дошли до Каарима. Это большой город на земле таров, – пояснил Сengtай.

– Я знаю, продолжай, – отозвался Даргон.

– Там мы пополнили запасы еды и двинулись на восток, к побережью. Екои сказал, что идти в земли инаров лучше вдоль берега океана. И вот спустя еще сорок три дня мы вошли в лес инаров. Там я почувствовал себя спокойнее. До этого меня постоянно тревожило чувство опасности, но к концу нашего путешествия все прошло.

– Почему же вы не пошли в Аранган? Он гораздо ближе, чем Таштак, и к тому же находится глубоко в лесу? – искренне удивился Даргон.

– Екои сказал, чтобы мы следовали в Таштак, это была его воля, – ответил Сengtай и пожал плечами, – вероятно, из-за того, что он был знаком с Отой, князем инаров.

– Возможно, ты прав, – задумчиво произнес Даргон, сидя в своем кресле, – и все же, интересно, как ты можешь все это объяснить?

– Что именно? – не понял Сенгтай.

– Ваше спасение, долгое опасное путешествие и, наконец, благополучное прибытие в Таштак. Что ты обо всем этом думаешь?

– уточнил Даргон.

Сенгтай колебался с ответом. Прошло несколько минут, прежде чем он смог собраться с мыслями и дать вразумительный ответ.

– Думаю, что все это не более чем роковое стечение обстоятельств. Не знаю, кто напал на храм Вечного Солнца, но именно это привело меня сюда. А мое спасение – лишь счастливая случайность.

– Что ж, – произнес Даргон, – твой вывод вполне естественен. Но, к сожалению, не проливает, ни капли света на то, что произошло на самом деле и почему это случилось.

Сенгтай был удивлен: судя по всему, Даргон не поверил ни единому его слову.

– Вы думаете, я рассказал вам неправду? – спросил он с тревогой в голосе.

– Дело не в этом. Ты рассказал мне ту правду, которую ты знаешь. Но есть и другая.

– Какая же? – спросил Сенгтай.

– Ты хочешь знать?

– Да, – быстро и уверенно ответил Сенгтай.

– А если я скажу тебе, что та, другая, правда может изменить твой взгляд на многие вещи? Что, если, узнав ее, ты изменишь свое мнение о добре и зле? – голос Даргона стал таким тихим и вкрадчивым, что у Сенгтая побежали по телу мурашки. Но он уже не мог отступить. К тому же он знал, что встреча с этим человеком принесет ему много нового, до сих пор невиданного. Мог ли он отказаться от знаний, которые не каждый мог получить? Да что тут говорить! Одно только знакомство с таинственным обитателем леса теней принесет любому уважение и славу. Хотя, по правде говоря, слава интересовала Сенгтая сейчас меньше всего.

– Да, господин Даргон, – ответил Сенгтай твердым голосом, пытаясь скрыть волнение, – я хочу знать правду, какой бы она ни была.

– Хм, вот как? – Даргон откинулся в кресле.

Он был удивлен настойчивостью и самообладанием этого молодого человека.

– Ладно, я расскажу тебе, что произошло на самом деле, – произнес Даргон, – но сначала давай выпьем чаю.

С этими словами старик поднялся с места и, взяв в руки котелок, направился к выходу. В тридцати шагах от входа в пещеру, в стене каменного коридора, имелась небольшая трещина в породе, которая уходила вверх. Из нее тонкой струйкой текла вода, приносимая подземной рекой, протекающей где-то в глубинах горы.

– Разведи огонь посильнее, – сказал Даргон, поднимаясь по лестнице, – за разговором прошло много времени, скоро вечер.

– Хорошо, господин Даргон, – отозвался Сенгтай и поднялся с пола. Даргон исчез в темноте тоннеля, а Сенгтай нырнул под лестницу и набрал охапку дров.

Примерно через полчаса горячий ароматный чай дымился в кружках, а Сенгтай и Даргон, расположившись возле костра, приготовились продолжить беседу.

– Итак, Сенгтай, ты готов выслушать мой рассказ? – спросил старик.

– Да господин Даргон, – уверенно ответил Сенгтай.

Даргон неторопливо сделал глоток горячего чая.

– Эта история столь же проста, сколь и серьезна, – начал Даргон. – Она началась задолго до твоего появления на свет, но, чтобы не создавать сумбура в твоей голове, я не стану углубляться в прошлое и начну с того момента, как в храме стали происходить загадочные события. Ты понимаешь, о чем я?

– Да, конечно, – ответил Сengtай.

– Вот и хорошо, – Даргон сделал еще один глоток и продолжил, – в последние несколько лет существования храма Вечного Солнца ваш наставник господин Екои чувствовал, что за храмом пристально следят. Но это были не разбойники, собравшиеся разграбить храм, – уточнил Даргон, – нет, их цель была иной. Они хотели уничтожить храм и убить Екои.

– Но кому это было нужно? Ведь мы никому не мешали! – с возмущением воскликнул Сengtай.

– Мешали, мой друг, мешали, – ответил Даргон, качая головой, – но чтобы объяснить тебе, как и кому вы мешали, мне придется ознакомить тебя с недавним прошлым господина Екои.

– Прошу вас, господин Даргон! – с нетерпением отозвался Сengtай.

– Храм Вечного Солнца стоит на южном берегу уже более двухсот лет и с тех пор... – Даргон неожиданно запнулся. То ли он забыл, о чем хотел рассказать, то ли передумал, а, может быть, он просто подбирал нужные слова.

Сengtай так и не понял, почему произошла эта короткая заминка, но это показалось ему довольно странным. Между тем, Даргон продолжил:

– С тех пор как Екои стал наставником в этом храме, он превратился в объект преследования адептов другого, более древнего, храма.

– Какого? – удивленно спросил Сengtай.

– На древнем языке лиа он называется Хагондо – храм Черной Луны.

– Я никогда не слышал о нем, – произнес Сengtай.

– Как ты думаешь, почему я назвал его древним? – спросил Даргон. Сengtай пожал плечами.

– Ты не мог о нем слышать, потому что он был построен задолго до того, как император Иесен заложил первый камень Таулоса.

– Вот это да! – воскликнул Сengtай с удивлением и восторгом. – Но, почему же господин Екои никогда не рассказывал о нем?

– Он хотел о нем забыть, – ответил Даргон.

– Его что-то связывало с этим храмом?

– Да, когда-то он был одним из его служителей, – ответил старик.

– Когда же это было? – спросил Сengtай, но Даргон не торопился с ответом.

– Наверное, еще до того, как он пришел в храм Вечного Солнца? – предположил Сengtай, глядя на Даргона. – Когда господин Екои был еще молод?

– Да, именно так, – ответил Даргон с видимым облегчением, – молодец, Сengtай, ты догадливый парень.

– Спасибо господин Даргон. Но что же было дальше?

– Дальше? Потом случилось то, о чем я пытаюсь тебе рассказать.

Сengtай почувствовал себя неловко из-за того, что начал торопить старика.

– Покинув храм Черной Луны, Екои перебрался в храм Вечного Солнца, но его бывшие соратники, а точнее – некоторые из них, не смогли простить ему того, что он покинул их.

– А почему он решил уйти? – спросил Сengtай.

– Видишь ли, объяснить это довольно сложно. По большому счету, причиной его ухода стали разногласия о том, какие задачи должен выполнять храм Черной Луны, – ответил Даргон.

– Я понял, – неуверенно произнес Сengtай, – вы сказали, что некоторые из бывших соратников господина Екои обозлились на него. Ведь так?

– Совершенно верно.

– Значит, были и те, кто поддерживал его решение?

– Да, были и такие, но... – Даргон снова запнулся.

Сengtай внимательно следил за стариком.

– Дело в том, – продолжил Даргон, – что те, кто не были против Екои, тоже ушли из храма Черной Луны, только гораздо раньше.

Сенгтай понимающе кивнул головой:

– Значит, не только Екои был недоволен.

– Ты прав, – согласился Даргон.

– А тех, кто ушел раньше, тоже преследовали? – спросил Сенгтай.

– Нет, – ответил старик, – они очень хорошо спрятались.

– Видимо, они тоже боялись, что их найдут и убьют, – предположил Сенгтай.

– Скорее, они боялись, что их найдут, – уточнил Даргон.

Сенгтай кивнул, хотя, по правде говоря, не очень-то понял, что именно хотел сказать старик. На несколько секунд в пещере стало тихо.

– И все же почему бывшие соратники Екои захотели убить его? Разве в этом была необходимость? – нарушил тишину Сенгтай и взглянул на Даргона.

– И да, и нет, – ответил Даргон, – разумеется, глупо убивать человека, который не разделяет твоего мнения и ищет свой путь. Но, видишь ли, все гораздо сложнее. Екои знал тайны, которые ревностно охранялись служителями храма Черной Луны, и планы, которые они вынашивают уже много лет.

– И что же это за планы, ради которых стоит лишить жизни множество невинных людей? – спросил Сенгтай.

– Сейчас это не так уж и важно. Важно другое: те, кто напал на храм Вечного Солнца, не остановятся, пока не уничтожат всех, кто жил в нем, – ответил Даргон.

– Но ведь они и так всех убили! – воскликнул Сенгтай.

Но Даргон перебил его:

– Не всех.

Сенгтаю стало не по себе.

– Кто же еще им нужен? – спросил он, чувствуя, как холодный пот выступил на спине.

– Ты и твои спутники, – ответил Даргон.

Наступила напряженная пауза. Сенгтай обдумывал все, что сказал ему старик, но еще очень многое было для него неясно.

– Но ведь они не видели, как мы покинули стены храма, – сказал Сенгтай несколько неуверенно, словно он не утверждал, а спрашивал.

– Скорее всего, у них просто не было времени, чтобы остановить вас, – ответил Даргон, – пойми, целью этих людей был Екои, а все остальные – лишь пыль, которую необходимо смахнуть.

От такого сравнения Сенгтая пробрала нервная дрожь.

– Теперь, когда Екои мертв, – продолжил Даргон, – они захотят закончить свое дело, и обязательно будут искать вас. Скорее всего, уже ищут.

Сенгтай попытался взять себя в руки и, собравшись с мыслями, спросил:

– Но что же это за люди? Как могли они так легко расправиться с нами?

Даргон наклонился вперед и, подняв с пола ветку, поворошил ею угли. Сноп искр взвился над очагом, и огонь разгорелся ярче. Бросив ветку, старик снова отхлебнул чаю и произнес:

– Вот мы и вернулись к главному, к тому, кто эти люди. Я называю их изураги – адепты древнего искусства, которых с недавних пор стали обучать в храме Черной Луны. Они должны проникать повсюду, оставаясь незамеченными, и уничтожать неугодных и опасных людей.

– Опасных для них самих? – уточнил Сенгтай.

– Да, именно так, а Екои представлял для них опасность.

– Но какой же силой надо обладать, чтобы победить такого мастера, как господин Екои? – удивленно спросил Сенгтай.

– Изураги не справились бы с Екои, если бы только он не решил принести себя в жертву.

– В жертву? Но ради чего? – изумленно воскликнул Сengtай.

– Ради тебя и твоих друзей, – ответил старик.

Сengtай был раздавлен. Он почувствовал себя виноватым в смерти учителя, и самым неприятным было, что Сengtай не знал, что ему делать, как оправдать эту жертву.

– Зачем он так поступил? – спросил он подавленно.

– У Екои не было выбора, – ответил Даргон. – Изураги рано или поздно все равно нашли бы его и убили. Он не мог и не хотел вечно прятаться.

– Но ведь вы сказали, что Екои без труда мог уничтожить их, – растерянно произнес Сengtай.

– В этот раз – да, но со временем другие, более сильные, пришли бы за ним. Ты должен знать, что учителя изурагов – наставники храма Черной Луны, и они владеют искусством настолько древним, что по сравнению с ним, все остальное – лишь забава.

– Что же это за искусство? – спросил Сengtай.

– О-о, это очень долгая история, – ответил Даргон, – к тому же не каждому положено знать об этом.

– Но ведь Екои был настоятелем в храме Черной Луны, – размышлял вслух Сengtай.

– Так и было, – сказал Даргон.

– Значит, он тоже владел этим тайным искусством.

– Разумеется.

– Тогда почему же он сдался? – настойчиво твердил Сengtай.

– Я уже объяснил тебе, почему он это сделал. Однако есть еще одна причина, но я не могу назвать ее тебе, – ответил Даргон.

– Почему все так таинственно? – спросил Сengtай после короткой паузы. – Я так ничего и не понял из того, что вы мне рассказали.

– Я могу рассказать больше, но для этого потребуется время, – ответил Даргон.

Сengtай пожал плечами и произнес:

– У меня его не так уж много.

– Значит, ты никогда не узнаешь того, что должен был узнать.

– А это так важно? – с недоверием спросил Сengtай.

– Это могло бы спасти твою жизнь и жизнь твоих близких, – ответил старик и, поднявшись с места, не спеша направился к своему креслу, – запомни: однажды твою жизнь спас Екои, а кто спасет ее в следующий раз?

Сengtай растерялся и не знал что сказать. Сев в кресло и откинувшись на спинку, Даргон продолжил:

– Как только Екои заподозрил, что за ним охотятся изураги, он попытался спасти своих учеников. Помнишь те странные события, о которых ты рассказывал?

– Какие именно?

– Екои отправлял больных в Илис к лекарю, хотя сам великолепно врачевал, – уточнил Даргон.

– Да, вы правы, – произнес задумчиво Сengtай, – все так и было. А еще он отправлял подальше всех, у кого была родня в ближайших селах, хотя раньше никогда так не делал. Теперь я начинаю понимать. Однако мне неясно одно: почему он просто не предупредил нас о надвигающейся опасности, ведь тогда можно было бы спасти гораздо больше людей?

– Вряд ли, – Даргон тяжело вздохнул, – изураги догадались бы о том, что их присутствие обнаружено. Екои хотел перехитрить их, но не сумел.

– И все же господин Екои должен был хотя бы подготовить нас к нападению изурагов, чтобы мы могли защититься, – вслух размышлял Сengtай.

– Защититься? Вы? – усмехнулся Даргон.

– Да, защититься! – обиженно произнес Сengtай. – Что здесь смешного?

– У вас не было такой возможности, – объяснил старик, – из всех, кто в тот момент находился в стенах храма, защититься мог только Екои.

– Почему? – снова спросил Сенгтай. – Господин Екои обучал нас воинскому искусству много лет.

– Оно бы вам не понадобилось, – отмахнулся Даргон, – прежде чем напасть, изураги с помощью магического заклинания лишили вас силы, которой вы обладали, воли и бдительности. Вы не замечали ничего вокруг. Они создали в вашем сознании жизнь, далекую от реальности.

– Но как такое возможно? – изумленно спросил Сенгтай.

– В мире существует много возможностей, о которых ты даже и не подозревал, – загадочно ответил Даргон, – представь, что тебя поселили в комнату с единственным окном. Каждый день ты часами смотришь в него и не догадываешься, что это окно не более чем искусно нарисованная картина.

Сенгтай, ошеломленный словами Даргона, молча, сидел, глядя на бледные языки пламени, вырывающиеся из-под углей костра.

– Когда Екои обнаружил, что все его ученики околдованы и бездумно слоняются по храму, потеряв волю, он в течение нескольких дней пытался снять это заклятье, чтобы спасти вас. Это была ошибка! – Даргон многозначительно поднял вверх указательный палец.

– Почему? – спросил Сенгтай.

– Видишь ли, это довольно непросто, – Даргон провел рукой по бороде, – заклятье, если оно предназначено для одного человека, снять нетрудно. Но когда оно поражает разум сотни человек, то бороться приходится с сотней заклятий одновременно. Представь, что дома у тебя живут две мышки. Ты в любой момент и без труда можешь поймать и уничтожить этих маленьких вредителей, – Даргон бросил быстрый взгляд на Сенгтая.

Тот внимательно слушал, пытаясь уловить смысл сказанного. Даргон продолжил:

– Но если ты не сделаешь этого, то через некоторое время в твоём доме будут уже не две, а гораздо больше мышей, – старик многозначительно покачал головой, – очень много мышей.

– Я понял вас, – сказал Сенгтай.

– Вот и хорошо, – Даргон улыбнулся.

– Значит, господин Екои потратил свои силы зря? – спросил Сенгтай после короткой паузы.

– Да, это так, – выражение лица старика снова стало серьезным, – когда он это понял, то решил спасти лишь тех, на кого мог положиться. Видимо, ты его лучший ученик, раз он выбрал тебя.

Сенгтай молчал, задумчиво глядя в пол.

– Именно поэтому ты хорошо помнишь момент, когда Екои вручил тебе письмо и почти ничего не помнишь из того, что было ранее, – добавил Даргон.

– Да, так и было, – ответил Сенгтай, не поднимая глаз, – он снял с меня заклятье. Но зачем он освободил Анаю и Ханами?

– Думаю, для того, чтобы ты подвергся меньшему риску в случае преследования, – ответил старик.

– Но чем они могли мне помочь? Один я быстрее добрался бы до инаров.

– Они могли бы помочь тебе своей смертью, – ответил Даргон. Сенгтай отшатнулся, словно получив удар в грудь.

– Как это?

– Они должны были бы принести себя в жертву, если бы вас настигли изураги. Ты же знаешь, что стая волков ловит первым слабое животное, а остальные получают возможность скрыться, – объяснил Даргон.

– Животное?! – возмущенно воскликнул Сенгтай и вскочил с места. Кровь закипела в его жилах при мысли о том, что Даргон посчитал его брата и возлюбленную животными. – Вы называете их животными, потому что их жизни для вас ничего не значат?! Но для меня это самые близкие люди!

– Успокойся, Сенгтай, – произнес Даргон, – я не хотел обидеть твоих друзей. Я всего лишь пытаюсь тебе объяснить...

– Мне не нужны ваши объяснения, – перебил Сенгтай старика, – и я не собирался никого приносить в жертву.

– Ты закончил? – громко спросил Даргон.

Сенгтай едва сдерживал гнев, но грозный тон старика вынудил его отступить.

– Садись, – скорее скомандовал, чем предложил Даргон.

Голос его снова стал сухим и устрашающим, как при их первой встрече, и Сенгтай вновь почувствовал страх, который нарастал по мере того, как он понимал, что он нагрубил Даргону, не имея на то оснований.

– Садись, – снова повторил Даргон.

– Нет, спасибо, я постою, – едва слышно ответил Сенгтай.

Сидя в своем кресле, Даргон поднял руку, словно собирался положить ее на плечо Сенгтая, который стоял в десяти шагах от него.

– Садись, – настойчиво произнес старик и с силой опустил руку.

Невидимая сила придавила Сенгтая к полу и он, охнув, повалился на спину, словно мешок с песком. Наступила долгая и напряженная пауза. Сенгтай судорожно соображал, пытаясь найти хоть какое-то объяснение тому, что произошло.

Однако совершенно неожиданно Даргон произнес:

– Пожалуй, мне следовало бы извиниться перед тобой за необдуманные слова. Не обижайся на старика. Я так долго жил один, что разучился сглаживать острые углы в разговоре.

Для Сенгтая такой поворот событий стал большим облегчением.

– В продолжение нашего разговора я должен задать тебе еще один очень важный вопрос, – сказал Даргон.

– Я слушаю вас, – отозвался Сенгтай, поднимаясь с земли.

– Теперь, когда ты нашел меня и выполнил последнюю волю своего учителя, что ты собираешься делать? – спросил старик вкрадчиво.

– Собираюсь вернуться в Таштак, – не раздумывая, ответил Сенгтай, – там остались дорогие мне люди.

– Да-да, конечно, – произнес Даргон и после короткой паузы добавил, – думаю, твой брат... Ханами, кажется, его зовут? – старик посмотрел на Сенгтая.

Тот кивнул в ответ.

– Так вот, я думаю, твой брат Ханами уже добрался до Таулоса и передал императору известие о нападении на храм Вечного Солнца.

– Надеюсь, – ответил Сенгтай.

– М-да, – произнес Даргон, задумчиво качая головой, словно сейчас он думал о чем-то своем.

Сенгтай заметил это. Ему показалось, что старик хочет что-то сказать и не решается сделать это. Снова наступила продолжительная пауза. Сенгтай, молча, ворошил веткой остывающие угли и смотрел, как они краснеют каждый раз, когда он тревожил их, будто выказывая недовольство.

Наконец Даргон нарушил тишину:

– Тебе нельзя обратно, – произнес он.

Сенгтай был крайне удивлен.

– Почему? – спросил он и посмотрел на Даргона.

Старик отвел взгляд и ответил:

– Ты еще не готов вернуться.

– Почему же? Я отдохнул достаточно, чтобы продолжить путь. К тому же мне надо поспешить, ведь вы сами говорили, что изураги будут искать нас. Я должен вернуться, чтобы защитить своих друзей.

– Ты не можешь защитить их, пойми это – настаивал Даргон, – как только изураги найдут вас – сразу же убьют. И ты не сможешь им помешать. Вспомни храм Вечного Солнца, – добавил старик в надежде достучаться до Сенгтая.

Несколько минут Сенгтай, нахмурившись, обдумывал слова Даргона. Без сомнения, они были справедливы, и стоило прислушаться к ним, но не это волновало Сенгтая. Разлука с любимой, которая и так была очень долгой, могла продлиться еще дольше, а от осознания того, что Анайе угрожает опасность, Сенгтаю становилось не по себе.

Словно прочитав его мысли, Даргон вкрадчиво произнес:

– Твое беспокойство мне понятно. Но и ты должен понять, что, в данный момент, вам троим лучше быть порознь.

– С чего вы это взяли? – недоверчиво спросил Сенгтай.

– Если вы не в состоянии защититься от изурагов, то разумнее всего от них спрятаться. Втроем это сделать сложнее. Пока вы разбросаны по свету, убийцам будет очень тяжело найти вас. Даже если они найдут одного и убьют, это только усложнит их задачу. Я полагаю, что они не станут этого делать. Скорее всего, изураги уже нашли твоего брата.

Сенгтай хотел встать, как только услышал эти слова, но старик остановил его жестом.

– Не надо, Сенгтай, отсюда ты ему ничем не поможешь.

– Но как они смогли его найти? – взволнованным голосом произнес Сенгтай.

– Екои не зря велел тебе идти на север через леса таров, держась подальше от дорог. Поняв, что вам удалось бежать, изураги наверняка решили, что вы отправитесь напрямик в Таулос. Это сбilo их с толку и отняло время. В результате вы получили возможность добраться до Таштака без происшествий. Они потеряли след, к тому же, я полагаю, в схватке с Екои они потеряли пару человек. Это ослабило их, – объяснил Даргон.

– Пару человек? – изумился Сенгтай. – Так мало?!

– Мало? – удивленно спросил Даргон. – Да их всего-то было человек пять, не больше!

Сенгтай почувствовал, как кровь застучала в висках и закружилась голова. Он просто не верил своим ушам.

– Всего пять? – снова переспросил он.

– Да, – коротко ответил Даргон.

– Но в храме было около сотни человек...

– Всего пять, – прервал старик.

Сенгтай склонил голову:

– Что же мне делать?

– Ты должен остаться, – ответил Даргон, – отдавая свою жизнь, Екои надеялся, что ты поступишь именно так.

– Откуда вы знаете? – спросил Сенгтай.

– Письмо, – коротко ответил старик.

– А как же мой брат и...? – спросил он после короткой паузы.

– Не волнуйся, даже если они нашли твоего брата, это не поможет им решить главную задачу.

– Но ведь он приведет их в Таштак, – не унимался Сенгтай.

– Но не приведет их в Гакхи, – сказал Даргон, – без тебя нет смысла убивать остальных.

– Почему?

– Видишь ли, – пытался объяснить Даргон, – изураги обладают способностью чувствовать присутствие человека, которого хотят найти. Они могут найти Ханами, могут найти Анайю, но не тебя – пока ты здесь. Значит, им придется ждать, пока ты сам не вернешься.

– А вдруг я совсем не вернусь, что тогда они будут делать? – спросил Сенгтай.

Даргон улыбнулся.

– Они почувствуют любовь в сердце Анайи, а это сила, которая однажды заставит тебя вернуться.

– Но откуда вы знаете об этом? – спросил Сенгтай, смущенно опустив взгляд.

– Я чувствую то же самое в твоём сердце, – ответил Даргон.

Сенгтай насторожился. Несколько минут он пытался собрать все свои догадки и сложить их воедино. Однако прежде чем делать выводы, он решил задать еще один вопрос.

– Скажите, господин Даргон, почему они не смогут найти меня здесь?

– Потому, что это очень хорошее место, чтобы спрятаться, – неопределенно ответил старик.

Последний кусочек мозаики встал на свое место, и Сенгтай воскликнул:

– Вы тоже прячетесь от изурагов! Ведь так!

Даргон растерялся. Некоторое время он молчал.

– Ты прав, – нехотя ответил старик.

– Но почему? – не унимался Сенгтай.

– Я не готов сейчас тебе ответить, – произнес Даргон.

– Хорошо. Но если я задержусь здесь, что это мне даст?

– Время. Чтобы научиться защищаться, – ответил Даргон.

– И кто же меня научит? – спросил Сенгтай, подозрительно прищулив глаза.

– Я, – Даргон встал с кресла.

Сенгтай покачал головой, словно соглашаясь со своими мыслями:

– Значит, вы тоже один из служителей храма Черной Луны, как и господин Екои.

– Ты догадлив, – отозвался Даргон.

– Но господин Екои не смог защитить нас, – с сомнением в голосе произнес Сенгтай.

– Я смогу, – уверенно заявил старик, – пожалуй, я единственный, кто сможет помочь тебе в этом, – добавил он. – Выбирай сам: уйти и увидеть смерть дорогих тебе людей, а затем умереть самому, или остаться и узнать то, о чем знают лишь немногие; получить силу, о которой можно только мечтать.

– Мне необходимо подумать, – ответил Сенгтай.

– Разумеется, до завтрашнего утра, – произнес старик, – а сейчас давай спать, уже поздно.

Спустя полчаса они легли в свои постели, и каждый размышлял о своем. Даргон думал о том, хватит ли сил и разума у Сенгтая сделать правильный выбор. Не поддастся ли он чувствам, которые овладели им, сможет ли он устоять?

Но Сенгтай уже сделал выбор и теперь, лежа в постели, мысленно прощался с любимой, и сердце его разрывалось от тяжести разлуки, которая могла стать очень долгой. Когда Сенгтай засыпал, лицо Анайи стояло перед его глазами, светлое и прекрасное, как в тот день, когда они последний раз были вместе. «Я так люблю тебя, Анайя! Я обязательно вернусь, и мы снова будем вместе, как и раньше!» – подумал он за мгновение до того, как провалился в глубокий и беспокойный сон.

Когда на следующее утро Сенгтай открыл глаза, первое, что он увидел, был силуэт Даргона, сидевшего возле костра.

– Доброго утра тебе! Я уже заварил чай, – сказал старик.

Сенгтай скинул одеяло и сел.

– И вам доброго утра, – ответил он.

Через четверть часа они сидели друг против друга и, молча, пили горячий чай. Было тихо и свежо. Сенгтай, поевшись, поднес к губам горячую кружку, ощущая терпкий аромат, и осторожно отхлебнул немного темного напитка. Даргон пил свой чай, глядя в пол.

– Я остаюсь, господин Даргон, – неожиданно нарушил тишину Сенгтай, поняв, что старик ждет ответа.

Даргон кивнул:

– Это хорошо.

– Могу я задать один вопрос? – спросил Сенгтай. Даргон снова кивнул.

– Зачем они убивают?

– Чтобы сохранить тайну, – ответил старик.

– Какую тайну? – снова спросил Сенгтай.

– Тайну своего существования. Никто не знает о том, что они есть, и никто не должен знать.

– А как же я? – удивился Сенгтай.

– Это уже не ты.

Глава 4

*Стремящийся обмануть – обманет.
Стремящийся убить – убьет.
Но они не сознают,
что посеянные ими ложь и смерть,
вырастут на их поле.*

Третий день месяца остывающего песка. 2851 год Четвертой Эпохи.

Продовольственный обоз медленно двигался по узкой лесной дороге. Неуклюжие телеги тряслись и подпрыгивали на ухабах, грозя вывалить свое содержимое на землю. Погонщики вели лошадей под уздцы, постоянно останавливались, чтобы проверить, все ли на месте.

В последней телеге, прислонившись спиной к мешкам с зерном, сидел Ханами. Полуприкрыв глаза, он равнодушно наблюдал за уплывающими назад бесконечными рядами деревьев. За несколько недель от этой однообразной картины можно было сойти с ума, но Ханами старался держать себя в руках.

Неожиданно телега, в которой ехал Ханами, подпрыгнула, наскочив на один из древесных корней, которые разрослись так сильно, что им стало тесно под землей и они, словно гигантские змеи выгнули свои спины, высовываясь на поверхность и создавая тем самым, достаточно серьезное препятствие. От сильного толчка юношу подбросило вверх, и он чудом не свалился на землю. Раздался треск, и телега накренилась. Ханами почувствовал, как сзади на него наваливаются мешки с зерном. Он уперся ногами в невысокий борт телеги и пытался удержать всю эту массу. Тут же донесся крик погонщика, и обоз остановился. Сразу же подбежали люди и помогли Ханами освободиться. Спрыгнув с телеги, он обнаружил, что у нее отвалилось колесо.

Погонщики окружили телегу. Они о чем-то совещались, размахивая руками и споря. Наконец, приняв решение, они стали разгружать повозку. Пользуясь случаем, чтобы размять онемевшие от долгого и неудобного сидения ноги, Ханами отошел в сторону и сделал несколько наклонов и приседаний, а затем медленно побрел вдоль обоза. Солнце еще не показалось над верхушками деревьев, но лес уже стал оживать, наполняясь голосами птиц. Дойдя до конца обоза, Ханами развернулся, чтобы пойти обратно. Неожиданно он услышал знакомый голос.

– Эй, Ханами, что случилось?

Ханами оглянулся и заметил Голцу, главного погонщика.

– Телега сломалась, – ответил он, вяло махнув рукой в сторону.

Голцу, молча, кивнул, проверяя и подтягивая ремни и поводья. Ханами потоптался на месте и уже собрался уйти, но Голцу снова окликнул его:

– Не торопись, они еще не скоро закончат.

– Но телегу уже разгрузили, осталось только перекинуть мешки на другую и можно двигаться дальше, – отозвался Ханами.

– Нет, так нельзя, – Голцу вышел вперед, – телеги и так сильно перегружены. Придется отремонтировать ту, что сломалась, а иначе сломается и другая.

Ханами кивнул. Он смотрел на погонщика, который стряхивал с одежды репы и паутину, которых так много было в этом лесу.

На вид Голцу было лет тридцать-тридцать пять. Он был невысок и худощав. Вытянутое лицо с высокими скулами, темные глаза и волосы выдавали в нем жителя Великой равнины – санила. Однако последние годы он жил в Каариме, где у него была семья. Голцу сопровождал обозы, следовавшие с восточного побережья в Таулос, и этим зарабатывал на жизнь.

Приведя в порядок одежду, Голцу сказал:

– Скоро рассеется туман и станет жарко, но осталось недолго. Думаю, что к полудню ты увидишь стены Таулоса.

– Скорее бы, – ответил Ханами и огляделся. Небо уже посветлело, но под густыми ветвями деревьев еще сохранялся утренний полумрак, и серая пелена тумана окутывала землю, скрадывая очертания предметов. Ханами поежился. Издали донесся стук молотков, и юноша невольно повернулся в ту сторону.

– Я же говорил, что они будут чинить телегу, – сказал Голцу и улыбнулся.

– Да, – Ханами кивнул головой, – вы правы. Я пойду туда, может быть, им нужна моя помощь.

– Конечно, иди, – ответил Голцу.

Ханами медленно побрел в хвост обоза. Голцу проводил его взглядом и вновь принялся проверять состояние телеги и упряжи.

Спустя полчаса ремонт был закончен и обоз медленно тронулся в путь. От постоянной тряски Ханами клонило в сон. Чтобы не уснуть, он начал вспоминать свое путешествие и представлять тот день, когда оно, наконец, закончится.

Покинув Таштак в полдень одиннадцатого дня месяца быстрых ручьев, Ханами в течение девятнадцати дней скакал на коне, пока не достиг границ леса инаров. Еще две недели ушло на то, чтобы пересечь холмы восточного побережья и добраться до самого северного города народов яни – Оку. К тому времени его лошадь совсем обессилела, и Ханами пришлось обменять ее на небольшой запас пищи. Проведя в Оку семь дней, Ханами присоединился к обозу с продовольствием, который вел Голцу. Обоз отправлялся как раз из Оку и должен был довести Ханами до самого Таулоса. Полтора месяца обоз двигался вдоль побережья, заходя в многочисленные поселения яни. Торговцы покупали у яни рыбу и грузили ее в свои телеги. В начале месяца белого солнца обоз пересек границу земель таров и углубился в лес. Еще целый месяц он двигался по узкой лесной дороге, ведущей в Каарим. Там торговцы поменяли большую часть рыбы на мясо и шкуры животных, которыми торговали местные охотники.

Далее обоз двинулся в сторону Мортака. Добравшись туда через две недели, торговцы загрузили телеги зерном, которое привозили в Мортак санилы. И обоз медленно пополз в сторону Таулоса, рискуя завязнуть в лесной глуши. Все это время Ханами провел в нервном ожидании окончания путешествия, которое уже начало его раздражать. Еще когда они только вышли из Оку, Ханами надеялся, что к середине лета окажется в Таулосе, но оказалось, что обоз движется не так быстро, как хотелось. Иногда Ханами думал, что если бы он пошел пешком, то добрался бы до Таулоса гораздо быстрее. Однако пешком ему идти не хотелось, а обоз по мере своего продвижения все больше терял скорость. И вот наступило утро третьего дня месяца остывающего песка, а стен Таулоса Ханами пока так и не увидел.

От этой мысли Ханами поморщился, словно надкусил кислое яблоко. Пытаясь занять более удобное положение, он сдвинулся на край телеги и сел, свесив ноги. Неожиданно телега снова подпрыгнула на ухабе, и Ханами вылетел из нее словно метательный снаряд. Он едва успел развернуться, чтобы опуститься на ноги. Погонщик громко крикнул на лошадь, и та послушно остановилась. Быстрым шагом он подошел к Ханами и взволнованным голосом спросил:

– С вами все хорошо?

– Да, все в порядке, – раздраженно ответил Ханами и снова залез в телегу.

– Не волнуйтесь, молодой господин, скоро дорога станет ровнее, – попытался успокоить его погонщик, – я уже пятнадцать лет хожу по этой дороге и знаю каждый ее поворот.

– Тогда ответь мне, отчего же нас так кидает из стороны в сторону? Раз уж ты так хорошо знаешь эту дорогу, нельзя ли вести телегу аккуратней? – спросил Ханами, не стараясь быть вежливым.

Погонщик покачал головой и ничего не ответил. Было видно, что слова Ханами обидели его. Он вернулся к лошади и, взяв ее под уздцы, тихо произнес: «Ну, пошли, милая, пошли». Лошадь фыркнула и натянула поводья. Телега жалобно скрипнула и тронулась с места.

Через несколько минут они нагнали обоз и продолжили свой путь. Вскоре Ханами заметил, что трясина действительно стало меньше. «Видимо, погонщик был прав», – подумал он, но извиняться не стал.

Постепенно лес стал редеть, и сквозь густые кроны деревьев все чаще виднелось чистое голубое небо. Примерно в десять часов утра обоз выехал на опушку леса и остановился. Ханами спрыгнул с телеги и всмотрелся вдаль. Его взору открылась большая равнина, раскинувшаяся на десятки километров. Серебристой лентой сверкали на солнце воды реки Эль, а за ней, на склоне холма, Ханами увидел высокие белые стены большого города. Он медленно двинулся вперед, не отводя глаз от открывшегося перед ним пейзажа. «Ну что, Ханами, вот считай и добрались», – услышал он голос Голцу и обернулся. Главный погонщик стоял возле первой телеги.

– Это и есть Таулос? – неуверенно спросил Ханами.

– Да, это он, – ответил Голцу и улыбнулся. – А что ты ожидал увидеть?

– Не знаю, – Ханами пожал плечами.

– Поверь мне, такого города ты еще никогда не видел, – уверенно заявил Голцу.

– Да, наверное, – согласился Ханами.

Он пристально рассматривал стены Таулоса, пытаясь определить его размеры, но с большого расстояния сделать это было очень трудно. Словно прочитав его мысли, Голцу сказал:

– Через пару часов мы подойдем к воротам Таулоса, и ты увидишь, каков он на самом деле.

Ханами ничего не ответил. Еще пару минут он смотрел на склон холма, где стоял город, а затем отправился в конец обоза, к своей телеге.

* * *

Перебравшись через Эль по небольшому деревянному мосту, ровно в полдень продовольственный обоз подошел к стенам Таулоса. Ханами пришлось задрать голову, чтобы рассмотреть вершину стены с бойницами для лучников и метательных машин. Солнце слепило глаза, и Ханами прикрыл их ладонью. Да, белые стены этого города были действительно высоки. Забравшись на них, можно было увидеть леса таров и просторы Великой равнины санилов. Ленты трех рек, сияя на солнце, уходили на север и скрывались за горизонтом, а западные горы лежали, словно на ладони. Казалось, что весь мир можно увидеть, если подняться на стены Таулоса.

Огромные дубовые ворота города были открыты, и тысячи людей спешили пройти через них, торопясь каждый по своим делам. Ханами никогда еще не видел такого огромного количества людей. Вокруг стояла невероятная суeta: люди, телеги, лошади двигались во всех направлениях, создавая собой живую массу, похожую на бурные воды реки, которая текла, повинаясь каким-то только ей известным законам. Солнце ярко светило на чистом небе, и полуденная жара начинала утомлять. Ханами неожиданно почувствовал себя неважно. Голова закружилась, и холодный пот выступил на лбу. Необъяснимые волнение и растерянность охватили его, и он почувствовал себя маленькой букашкой, брошенной в пчелиный улей.

Чья-то рука легла на плечо Ханами, и он обернулся. Рядом стоял Голцу и широко улыбался.

– Вижу, что ты растерян. Впервые в таком месте?

Ханами кивнул.

– Ничего, это пройдет, – успокоил его Голцу, – со всеми происходит такое, когда они впервые попадают в этот город.

– Надеюсь, внутри будет спокойнее, – произнес Ханами.

Голцу вдруг громко рассмеялся.

– Что случилось? – спросил Ханами, настороженно глядя на погонщика.

– Вот чудак! – произнес Голцу сквозь смех. – Таулос не просто большой город. Он огромный. Понимаешь?

Ханами отрицательно покачал головой.

– Ничего, сам все увидишь, – сказал Голцу и похлопал Ханами по плечу, – садись, едем.

Ханами запрыгнул в телегу, и обоз медленно въехал в городские ворота.

Голцу был прав, внутри кольца стен было так же многолюдно, как и снаружи. Очень медленно обоз двигался по улицам Таулоса, и Ханами казалось, что они ужасно длинные. По обеим сторонам мостовой стройными рядами стояли двухэтажные дома с многочисленными окнами и аккуратными черепичными крышами. Они были так близко друг к другу, что казалось, будто они толкались, словно покупатели на рынке, в попытке отвоевать для себя хоть немного свободного места.

Наконец обоз въехал на большую площадь с торговыми рядами. Здесь тоже было оченьлюдно, однако большое открытое место позволило Ханами вдохнуть полной грудью. Скрипнув всеми своими деревянными суставами, обоз остановился на краю площади.

– Все, приехали, – произнес Голцу и спрыгнул с телеги.

– Уже? – растерянно спросил Ханами.

Голцу снова засмеялся.

– Уже!

Ханами слез с телеги и посмотрел по сторонам.

– Дальше мы не едем. Это конечный пункт нашего путешествия – торговая площадь Таулоса, – сказал Голцу.

Ханами кивнул.

– Мне нужно найти дворец императора, – сказал он.

– А чего его искать? Вот он, – ответил Голцу и вытянул руку, указывая за спину Ханами.

Ханами обернулся и застыл от удивления: прямо за городской площадью он увидел огромную лестницу, уходящую по склону холма вверх, так высоко, что казалось, будто она ведет прямо в небо.

На самой вершине холма стоял дворец императора. Ханами в изумлении смотрел на это сооружение, на его стены, украшенные барельефами, стройные и высокие колонны, державшие крышу удивительной конструкции, в которой не было ни одной прямой линии. Она была похожа на огромные океанские волны, захлестывающие дворец. Множество окон из цветного стекла были распахнуты, и летний ветерок влетал внутрь помещений, шевеля легкие, шелковые занавески.

Наконец Ханами пришел в себя и повернулся к Голцу.

– Удивлен? – спросил тот.

– Да! – ответил Ханами, – Такого я никогда не видел!

– И вряд ли где увидишь, – добавил Голцу.

Оба снова посмотрели на императорский дворец.

– Ну что ж, пора прощаться, – сказал Ханами после короткой паузы. Голцу кивнул:

– Удачи тебе, может, еще увидимся, – сказал он.

Ханами едва заметно улыбнулся:

– Вряд ли, но все равно, было приятно познакомиться.

– Тогда прощай, Ханами, – сказал Голцу и, повернувшись, пошел в сторону торговых рядов.

– Прощай, Голцу, – крикнул вдогонку уходящему погонщику Ханами.

Несколько минут Ханами стоял, не решаясь сойти с места. Большой город, толпы людей, шум и суета словно сковали его. Ханами смотрел по сторонам, пытаясь привыкнуть к совершенно новой для него обстановке и собраться с мыслями. Наконец, встряхнувшись, он неторопливо двинулся через площадь, пробираясь сквозь плотную толпу людей.

Через несколько минут, оказавшись на другой стороне площади, Ханами вновь остановился. Перед ним открылся склон холма с широкой каменной лестницей. Несколько человек медленно поднимались по ступеням и о чем-то переговаривались. Больше на лестнице никого не было. «Какой контраст, – подумал Ханами, – за спиной кипящая площадь, а впереди почти пустая лестница». Словно удивившись своим мыслям, Ханами пожал плечами и шагнул вперед. Сначала он хотел подняться по ступеням быстрым шагом, но уже через несколько минут запыхался. Он сбавил темп и решил не спешить. Впереди было еще очень много ступеней, а силы нужно было беречь для обратной дороги.

Добравшись до середины лестницы, Ханами на минуту остановился и перевел дух. Императорский дворец был уже недалеко, и Ханами продолжил путь. Он успел сделать еще несколько шагов, прежде чем за его спиной раздался голос:

– Стой!

От неожиданности Ханами вздрогнул и обернулся. Прямо перед ним, на две ступени ниже, стояли три воина императорской охраны.

– Куда вы идете? – спросил один из них.

Судя по всему, он был старшим по званию, так как на доспехах, прикрывающих его левое плечо, Ханами заметил три белые полосы, в то время как у двух других было только по одной.

– Я иду к императору, – ответил Ханами, пытаясь казаться спокойным и уверенным.

– Какое у вас дело к императору Таулоса? – снова спросил воин.

– Это я скажу только ему, – ответил Ханами и, повернувшись, шагнул вперед, однако тут же остановился.

Впереди стояли еще три воина. У одного из них Ханами заметил две широкие красные полосы на правом плече. По его взгляду, тяжелому и уверенному, Ханами понял, что он был начальником этого небольшого караульного отряда. Кроме того, Ханами заметил, что два воина, стоявших рядом с начальником, держали руки на рукоятках мечей. Такой поворот событий заставил Ханами умирить пыл и ответить на несколько вопросов.

– Назови свое имя, – потребовал начальник отряда сухим и твердым голосом.

– Меня зовут Ханами, я следую к императору с поручением от своего учителя.

– Кто он? – снова прозвучал вопрос.

– Его зовут...его звали Екои. Он был настоятелем храма Вечного Солнца, – сбивчиво ответил Ханами.

Начальник отряда изучающе смотрел на него.

– Какое у тебя поручение?

– Я должен сообщить императору о некоторых событиях, произошедших в храме.

Еще несколько минут начальник внимательно разглядывал Ханами. Тот чувствовал себя очень неуютно под пристальным взглядом сурового воина, но выбора у него не было.

– Следуйте за нами, – произнес наконец воин и зашагал вверх по лестнице. Окруженный пятью стражниками Ханами двинулся следом. Всю дорогу, пока они поднимались, Ханами думал о том, как удалось им подкрасться к нему так незаметно, без единого звука, словно они выросли из-под земли.

Поднявшись на площадку перед дворцом, Ханами заметил у ворот группу людей. Они о чем-то беседовали и не обращали внимания на появление отряда. Сделав несколько шагов, начальник отряда подал знак остановиться, а сам подошел к стоявшим у ворот дворца людям.

Ханами с интересом наблюдал за ними, пытаясь услышать, о чем они говорят, но расстояние было слишком большим.

Начальник отряда что-то объяснял высокому, худому и почти лысому человеку, которому на вид можно было дать лет пятьдесят. Он был одет довольно просто: длинная куртка с широкими рукавами, перевязанная в поясе тонким шнурком и такие же широкие, но несколько короткие для его роста штаны. На ногах его были надеты кожаные туфли с открытым носом.

Этот странный человек молча слушал, что говорил ему начальник сторожевого отряда, изредка посматривая в сторону Ханами. Затем он кивнул и направился к незваному гостю.

– Это господин Ло-По, – произнес начальник отряда, когда они подошли ближе, – он смотритель императорского дворца.

Ханами молча кивнул.

– Как тебя звать? – тихим спокойным голосом спросил Ло-По.

– Меня зовут Ханами, я пришел из храма Вечного Солнца с посланием для императора.

Ло-По внимательно оглядел его с ног до головы, а затем снова спросил.

– Ты знаешь, что нельзя просто так прийти к императору? Для этого существуют общинные послы, которые передают его величеству просьбы от народа.

– Я иду к императору с посланием не от себя, а от моего учителя господина Екои, – объяснил Ханами.

– Это не имеет значения, ведь ты же не посол, – равнодушно возразил Ло-По, – кто знает, с какими намерениями ты идешь к императору. К тому же мне не понятно, почему Екои не написал письмо императору, а послал человека с устным посланием?

– Он не мог этого сделать, – ответил Ханами.

– Почему же? – удивился Ло-По.

– Он не мог, поверьте мне, – настойчиво произнес Ханами, – мое послание не обычное, я принес горькую весть.

Ло-По побледнел и стал похож на восковую статую. Через секунду он схватил Ханами за руку и быстрым шагом направился к воротам дворца, увлекая Ханами за собой. «Вы свободны», – крикнул он начальнику отряда уже на ходу. Тот удивленно пожал плечами и через несколько мгновений вместе с отрядом исчез так же неожиданно, как и появился.

Ло-По буквально втащил Ханами во дворец.

– Садись сюда, – произнес он и подтолкнул Ханами к скамье неподалеку от ворот.

Ло-По заметался взад–вперед, бормоча что-то себе под нос. Через минуту он остановился и, наклонившись к Ханами, произнес:

– Сейчас у императора обед и его нельзя тревожить. Нам придется подождать.

Ханами растерянно смотрел на Ло-По снизу вверх, не понимая, что же могло так взволновать невозмутимого смотрителя.

– Через час у императора совещание в большом зале, – продолжал Ло-По, – думаю, твое появление там будет вполне уместным, а пока сиди здесь и жди меня. Я за тобой приду.

Ханами согласно закивал, не сводя глаз с Ло-По. Тот выпрямился и быстрым шагом направился по коридору вглубь дворца. Через мгновение он скрылся из виду и, оставшись один, Ханами облегченно вздохнул. «Странные люди живут здесь, – подумал он, – скорее бы все это закончилось».

* * *

Спустя час Ханами в сопровождении Ло-По быстро шагал по коридорам императорского дворца. Поднявшись на второй этаж по широкой деревянной лестнице, они свернули налево и, пройдя двадцать шагов, остановились у дверей, по обе стороны которых стояли стражники. Ло-По подошел к одному из них и, наклонившись, прошептал что-то на ухо. Тот открыл двери,

пропуская Ханами и Ло-По. За дверями Ханами увидел длинный коридор с несколькими дверями по обеим сторонам. Они прошли примерно половину этого коридора и повернули направо. Ло-По сам открыл дверь, возле которой не было стражи. Они попали в просторный пустой зал. Проходя через него, Ханами попытался разглядеть обстановку, но Ло-По не дал ему этого сделать. «Довольно глазеть, император ждет», – пробурчал он, увлекая Ханами за собой.

Они снова попали в коридор, в конце которого Ханами вновь заметил закрытые двери и стражников. Когда они с Ло-По приблизились к дверям, один из них вышел навстречу, преграждая путь. Ло-По подошел к нему и что-то тихо сказал. Ханами не расслышал, что именно, но стражник отошел в сторону. Смотритель осторожно открыл дверь и вошел внутрь. Ханами шагнул за ним, но тут же тяжелая рука стражника уткнулась ему в грудь. «Не спеши, тебя позовут, когда придет время», – хрипло проговорил он.

Ханами сделал шаг назад. Двери тихо закрылись, и он остался наедине с двумя угрюмыми, хорошо вооруженными воинами.

Он чувствовал себя очень неуютно в этом коридоре, словно был отрезан от всего мира. Мрачный вид охранников заставлял его почувствовать, что они охраняют его, а не двери. Несколько минут, которые Ханами провел в ожидании, показались ему вечностью.

Наконец дверь приоткрылась, и сквозь образовавшуюся щель в коридор высунулась голова Ло-По. «Иди сюда, скорее!» – шепотом произнес он. Ханами проскользнул внутрь, и дверь сразу же закрылась. Юноша осмотрелся. Посреди зала стояло кресло с высокой спинкой. Оно было повернуто спиной к двери, и поэтому Ханами не мог разглядеть человека, сидевшего в нем. Прямо перед креслом в ряд сидели несколько пожилых людей в дорогих одеждах. Большая часть из них были военными, о чем Ханами догадался по специальным знакам отличия.

В зале было тихо. Все присутствующие с нетерпением смотрели на Ханами. Ло-По потянул его за руку и они, вместе обойдя высокое кресло, вышли на середину зала. Повернувшись лицом к человеку, сидевшему в кресле, Ло-По произнес: «Его императорское Величество готов выслушать твой доклад».

Ло-По посмотрел на Ханами. Тот молчал, словно немой, глядя на императора. Старый и седовласый, тот так же внимательно смотрел на Ханами. В полной тишине прошло около минуты. Затем неожиданно для Ханами император поднялся с кресла и подошел к нему. У юноши перехватило дыхание. Все присутствующие в зале тоже поднялись с места, но император сделал знак рукой, чтобы они не вставали. Тихим и спокойным голосом император спросил:

– Как зовут тебя, юноша?

– Мое имя Ханами, – буквально выдавил из себя тот.

– Ханами? Хм, очень хорошо, – император улыбнулся. – Скажи, – продолжил он, – ты пришел сюда, чтобы сообщить нам важную новость или ты просто хотел увидеть меня и помолчать?

Сдавленный смешок одного из советников вывел Ханами из оцепенения, и он понял, наконец, что ведет себя странно, если не сказать глупо. Набрав в грудь побольше воздуха, Ханами снова низко поклонился, и произнес.

– Простите меня, Ваше Величество, но, увидев вас, я растерялся...

– Пустое, – прервал его Тайрат, – с кем не бывает. В конце концов, ты ведь не каждый день видишь императора Таулоса. В зале послышался смех. Тайрат тоже не сдержал добродушной улыбки. Император вернулся на свое место и спросил:

– Ты готов, Ханами?

– Да, Ваше Величество.

– Тогда мы слушаем тебя очень внимательно, – произнес император, и в зале снова наступила тишина.

Собравшись с мыслями, Ханами начал свой рассказ. Он подобно описал все, что происходило в храме Вечного Солнца до того, как тот был уничтожен, и так же подробно по просьбе

императорского предсказателя Неохаса рассказал обо всем, что произошло с ним после, вплоть до сегодняшнего дня.

Когда Ханами закончил, то заметил, что выражение лица императора стало суровым и задумчивым. Тайрат молча смотрел в сторону, погруженный в свои мысли. В этот момент к Ханами подошел Неохас и взял его за руку: «Император Тайрат благодарит тебя за то, что ты сообщил нам это печальное известие. Мы все очень признательны тебе».

В этот момент Тайрат, освободившись от тяжелых мыслей, произнес:

– Спасибо тебе, Ханами, ты очень помог нам всем.

– Ну что вы, Ваше Величество, я всего лишь выполнял волю своего учителя, – ответил Ханами.

– Да, конечно. Куда ты теперь отправишься?

– Обратно в Таштак, – сказал Ханами и после короткой паузы немного неуверенно добавил, – меня там ждут.

– Хорошо, так тому и быть, – произнес Тайрат, – Ло-По скажет тебе, где ты сможешь остановиться на ночь, а завтра ты получишь двух лошадей и награду за свою работу.

– Благодарю вас, Ваше Величество, – поклонился Ханами.

– Ступай, счастливого тебе пути!

В сопровождении Ло-По юноша вышел в коридор. Двери тихо закрылись, и Тайрат откинулся на спинку кресла. В зале воцарилась напряженная тишина. Генералы и министры, молча переглядывались, не решаясь произнести ни звука. Неохас задумчиво смотрел в окно. В полном молчании прошло несколько минут.

Первым не выдержал Моши:

– Может быть, господин Неохас объяснит нам, что происходит?

Император посмотрел в глаза своего полководца и увидел в них возбуждение и негодование, вызванное их временным бездействием. В этот момент Тайрат снова убедился в том, что его преданный Хранитель не утратил веру в победу и желание сражаться до конца. Он не боялся надвигающейся опасности. Впрочем, Моши всегда был таким. Тайрат не мог припомнить, пожалуй, ни одного случая, когда генерал Моши растерялся бы в трудной или опасной ситуации. А таких было немало. Моши верил в мудрость императора и силу империи, а значит, не было на земле такой силы, которая могла бы поколебать его решимость.

Это всегда ободряло Тайрата. Так же случилось и в этот раз. Поднявшись с кресла, император сделал несколько шагов по залу. Генералы и министры поднялись вслед за ним, но Тайрат знаком велел им сесть.

– Итак, уважаемый Неохас, – произнес император, обращаясь к предсказателю, который все еще задумчиво смотрел в окно, словно был один в этом зале, – мы надеемся, что вы объясните нам, что произошло и как это может отразиться на империи.

Не отводя взгляда от окна, Неохас произнес:

– Что произошло, мы уже знаем со слов юноши.

– Но что значит это событие и имеет ли оно отношение к той угрозе, о которой ты предупреждал нас ранее? – снова спросил Тайрат.

– Все в этой жизни имеет значение, Ваше Величество, – ответил Неохас.

– Ты говоришь загадками! – воскликнул генерал Валис, вскочив с места. – Нельзя ли изъясняться проще?

Неохас повернулся к Валису и посмотрел ему прямо в глаза.

– Мой самоуверенный генерал, загадки загадываю не я. Напротив, я пытаюсь их разгадать, но если вы считаете, что можете сделать это лучше, то прошу вас, – Неохас сделал жест рукой, как бы приглашая генерала встать на свое место.

Валис невольно отшатнулся. Его замечание в адрес предсказателя было весьма нетактичным и обидело Неохаса. Все прекрасно знали, что генерал Валис никогда не отличался тактич-

ностью и не сильно переживал из-за этого. Однако на этот раз его грубость получила достойный отпор и в зале послышался гул осуждения.

– Сядьте, генерал, – произнес Тайрат, – время ваших вопросов еще не пришло.

Валис, красный от негодования, сел. Но разве смел он ослушаться императора?

Тайрат продолжил:

– И все же, что означает это событие? Связано ли оно с нашими опасениями?

– Думаю, нет, – ответил Неохас и покачал головой, – во всяком случае, не в этот раз.

– Что вы имеете в виду? – спросил генерал Инкаон. – По-вашему, существует еще одна угроза помимо той, о которой нам известно?

– Угроза существует всегда, генерал, и с этим нам приходится жить, – ответил Неохас.

– Но я полагал, что мы должны стремиться отвести любую угрозу от империи и ее будущего, – не унимался Инкаон, – разве не так?

Неохас улыбнулся.

– Вы можете отвести смерть ваших детей через много лет? – спросил он, глядя на генерала.

Тот растеряно пожал плечами.

– Но ведь они наше будущее, а значит – будущее империи. Вы можете подарить им бессмертие, чтобы они жили вечно на благо Таулоса? – снова спросил Неохас.

– Боюсь, что нет, – растерянно ответил Инкаон.

– То, что должно случиться – случится, и это – закон мироздания. Мы лишь должны быть готовы к этому, – подытожил Неохас.

– Значит, произошедшее в храме Вечного Солнца все-таки несет угрозу Таулосу, – задумчиво произнес Моши, будто разговаривал сам с собой.

– Верно, Моши, – ответил Неохас, – после рассказа Ханам я попытался увязать его слова со своими видениями.

– И что же?

– Эти события отразились в них, – ответил Неохас.

Слова предсказателя прозвучали как приговор. Однако почти сразу Неохас добавил:

– Я еще раз повторяю: события в храме Вечного Солнца не имеют отношения к той угрозе, о которой я говорил вам ранее. Опасность, поджидающая нас, лежит на поверхности, а нападение на храм – это признаки угрозы, скрывающейся в глубине. Я пока еще не вижу ее, а значит – еще не время о ней думать, – объяснил Неохас.

– Вы уверены? – спросил Юнак.

– Не стоит лечить человека от болезни, которой он еще не заболел. Гораздо полезней избавить от недуга, терзающего его сейчас.

Юнак понимающе кивнул и посмотрел на императора.

– Что ж, – произнес Тайрат, – значит, не будем отвлекаться от главного. Если Неохас сказал, что об этом событии еще рано думать, мы не станем о нем думать, но и забывать тоже не станем, – Тайрат посмотрел на присутствующих.

Все согласно закивали.

– Теперь давайте решим вопросы, которые перед нами поставили эти печальные события, – предложил император.

Советник Юнак поднялся с места.

– Храм Вечного Солнца разрушен, а его обитатели убиты. Что мы можем сделать?

– А чего вы хотите, советник? – спросил с места министр Чинга. Юнак неуверенно пожал плечами.

– Подождите, советник, – вмешался генерал Мун, – храм Вечного Солнца стоял на юге империи уже более ста лет. Люди, живущие в тех краях, привыкли к нему, и, мне кажется, мы

не должны лишать их возможности иметь поблизости храм, в котором они могли бы получить помощь и утешение.

– Я думаю, советник прав, и мы ничего не можем сделать, – отозвался Неохас.

Все с удивлением посмотрели на него.

– Ты действительно так считаешь? – спросил Тайрат после короткой паузы.

– Настоятель храма мертв. Кто заменит господина Екои? – спросил Неохас, но ответа не последовало.

– Что касается самого храма, – снова вступил в разговор Юнак, – да, в его стенах жители ближайших деревень могли получить помощь. Много людей отправлялись туда, чтобы исцелиться от болезней, но не стоит забывать и о том, что храм Вечного Солнца был закрыт от внешнего мира. Жизнь в его стенах протекала по своим законам, и посторонние попадали туда крайне редко. Мы, конечно же, можем возвести стены и построить жилища, это несложно, но кто будет жить в этом новом храме?

Некоторое время в зале стояла тишина. Слова советника произвели впечатление на присутствующих.

Генерал Сафар прервал затянувшуюся паузу:

– А как же этот молодой человек и его друзья? Для них храм был домом.

– У них уже есть другой дом, – ответил советник.

– Давайте послушаем Юнака, – произнес Неохас, – не стоит создавать что-то, пока это кому-то не понадобилось. А если вдруг найдется человек, который захочет основать на этом месте новый храм, то мы поможем ему.

В зале послышались возгласы одобрения. Заключительные слова Неохаса были довольно убедительны, и присутствующие просто не могли с ним не согласиться. Император поднял руку, и в зале наступила тишина.

– Что ж, так тому и быть, – произнес он, ставя точку в этом вопросе.

– А теперь давайте выслушаем доклад о происходящем на наших западных границах.

С места поднялся Моши и вышел на середину зала.

– Семь дней назад я получил донесения с восточных застав. В них говорится о том, что на островах дродов тихо. Они перемещаются с острова на остров, однако ни на одном из островов большого количества воинов замечено не было.

– Скажите, генерал, достаточно ли внимательно ведется наблюдение? – спросил Сафар.

– Полагаю, что да, – ответил Моши.

– И какова же численность дродов на сегодняшний день?

– Видите ли, – произнес Моши, – с берега пересчитать всех дродов довольно сложно.

– А как же лазутчики? Они у вас есть? – вмешался в разговор Валис.

– Конечно, есть, – ответил Моши, – но посылать лазутчиков на острова довольно сложно и опасно. Поэтому мы не можем делать это чаще, чем раз в несколько месяцев.

– И каковы последние подсчеты? – снова поинтересовался Сафар.

– Последний раз группа лазутчиков отправилась на острова около полугода назад. На тот момент, по их подсчетам, число воинов на всех пяти островах составляло около пяти тысяч человек, – ответил Моши.

Сафар кивнул головой. Вопрос был исчерпан.

– Хорошо, – сказал Тайрат, – теперь давайте послушаем, как идет подготовка нашей армии. Генералы, прошу вас.

Сафар, Мун, Инкаон, Пай и Валис поднялись с мест. Начал Сафар:

– Строительство метательных машин идет полным ходом. Двадцать четыре машины готовы к бою. Остальные шестнадцать заложены. Я жду строительный лес...

– А что с людьми? – прервал его Тайрат.

– С людьми гораздо сложнее. Я собрал только две с половиной тысячи лучников. Сейчас они проходят обучение.

Тайрат одобительно кивнул головой.

– Спасибо, генерал.

Сафар поклонился и сел.

– А что со строительным лесом? – просил император, глядя на Валиса.

– Пять сотен человек были отправлены в леса таров еще два месяца назад. Мы ждем обозы через месяц. Остальные работают на строительстве машин, – ответил Валис.

Император кивнул. Валис поклонился и сел.

Тайрат перевел взгляд на генерала Муна. Заметив это, Мун произнес:

– Шесть тысяч всадников набраны из резерва. Мне не хватает еще двух тысяч.

Тайрат вопросительно посмотрел на генерала Пая – командующего резервами. Тот смущенно пожал плечами.

– Сложно убедить людей идти на военную службу, когда вокруг мир и спокойствие. Но мне удалось увеличить вашу охрану и охрану дворца.

– Если армия не справится, то и охрана не поможет, – заметил Тайрат. – Вы не согласны?

– Разумеется, – ответил Пай, – мы занимаемся этим.

– Занимайтесь более усердно, – Тайрат сделал жест рукой, и Пай вернулся на место.

– А что у нас с лошадьми? – вновь обратился к Муну император.

– Лошади есть. Сейчас они пасутся на равнине к востоку от Тонка, – ответил тот.

– Не слишком ли далеко? – спросил Тайрат.

– Двадцать дней пути, – ответил Мун, – пастбища, расположенные ближе к Таулосу, более скудные, чем у санилов, к тому же санилы – опытные коневоды.

– Согласен, – Тайрат провел рукой по седой бороде, – спасибо, генерал.

Выдержав короткую паузу, Тайрат повернулся к Инкаону.

– Что ж, настал ваш черед. Прошу.

Инкаон выглядел уверенно, твердым и четким голосом он произнес:

– Мои подразделения готовы. Восемь тысяч воинов, из которых три тысячи опытных и умелых, находятся под оружием. Все мои командиры либо воевали, либо учились у тех, кто воевал.

– А как же быть с теми пятью тысячами молодых и неопытных воинов? – спросил Тайрат, пристально глядя на генерала.

– С ними ведутся постоянные занятия, – невозмутимо ответил Инкаон и добавил: Мои полковники учат их правилам большого боя и одновременно отрабатывают новые приемы и стратегии.

Тайрат покачал головой.

– Это очень хорошо, генерал, спасибо. Вы свободны.

Инкаон поклонился и сел. Тайрат взглянул на Юнака.

– Есть ли еще какие-нибудь важные вопросы, которые нам необходимо обсудить?

– Думаю, что нет, – ответил советник после недолгого раздумья, – сегодня нет.

Тайрат с облегчением вздохнул и медленно поднялся с кресла.

– Я благодарю вас за то, что вы пришли сюда сегодня и рассказали о своей работе. Не стану задерживать вас более. Вы можете идти. Генералы и министры встали и поклонились. «Пусть будет вечен Таулос и его император!» – услышал он в ответ.

* * *

Солнце опустилось за горизонт, и на смену жаркому дню наконец-то пришел вечер, принеся с собой долгожданную прохладу. Конец лета в этом году выдался особенно жарким, и потому все живое с радостью приветствовало наступление сумерек.

Ханами стоял на террасе дома Ло-По. Прислонившись к каменным перилам, он наблюдал за тем, как Таулос медленно погружается в сон, окутываемый приближающейся ночью. В окнах домов тускло мерцали масляные лампы, на улицах горели расставленные повсюду факелы, но ярче всего светилась лестница, соединявшая дворец и торговую площадь. Ханами около часа наблюдал за тем, как Ло-По с двумя молодыми помощниками зажигал огни в каменных чашах.

Дом смотрителя находился рядом с дворцом императора. Он стоял на склоне холма, почти на самом верху, и с террасы, на которой стоял Ханами, был виден весь город. Ханами продолжал рассматривать Таулос, его дома и улицы, стены и площади. Однако с каждой минутой становилось все темнее, и он с какой-то необъяснимой жадностью вглядывался в растворяющиеся в ночной темноте городские черты, стараясь как можно лучше запомнить его. Ханами представлял, как будет рассказывать Анайе о своем путешествии, о Таулосе и о том, что он видел. Ей, своей любимой, самой прекрасной на свете.

Глядя на ночной город, Ханами прошептал ее имя. «Когда я вернусь, ты будешь со мной, – подумал он, – я расскажу тебе о далеких землях и городах. Я расскажу тебе о Таулосе. Тебе будет интересно со мной, потому что я не так глуп и однообразен, как мой братец». Вспомнив о Сенгтае, Ханами сжал кулаки. «Когда он вернется, ты уже потеряешь к нему интерес. Если только он вообще когда-нибудь вернется», – от этой мысли Ханами почувствовал некоторое облегчение и улыбнулся.

Неожиданно он услышал за спиной голос Ло-По:

– Я вижу довольную улыбку на твоем лице, а это значит что у тебя все хорошо.

Ханами обернулся. Ло-По стоял в дверях, держа в руке зажженную масляную лампу.

– Да, спасибо, – ответил Ханами.

Появление Ло-По было настолько неожиданным, что мысли Ханами перепутались, и он не совсем понял вопрос.

– Тебе понравился ужин? – снова спросил Ло-По, приближаясь к Ханами.

– Да, спасибо! Очень понравился, – ответил тот.

– Его готовила моя жена.

Ханами отошел чуть в сторону, когда Ло-По приблизился.

– Она очень вкусно готовит, – продолжал смотритель довольным тоном. Подойдя вплотную к перилам, он поставил лампу и посмотрел вниз.

– Уже совсем темно.

Ханами кивнул, но не произнес ни слова. Некоторое время они молча стояли на террасе, глядя на засыпающий город.

– Завтра уезжаешь? – спросил смотритель после короткой паузы.

– Да, меня ждут в Таштаке.

Ло-По улыбнулся.

– Это хорошо. Предлагаю сейчас же идти спать, чтобы скорее наступило утро, и ты сможешь, наконец, отправиться в путь.

Ханами с удовольствием принял это предложение, и они покинули террасу.

Ночь, теплая и спокойная, опустилась на Таулос.

Не следующий день, получив обещанных лошадей, Ханами спешно покинул город. Выежая за ворота, он обернулся, чтобы еще раз окинуть взором столицу империи. Таулос был

таким же, как и вчера: шумным и прекрасным. Однако Ханами покидал его без сожаления. Ему нужно было как можно скорее вернуться в Таштак и, желательно, первым.

Глава 5

*Судьба человека написана не им,
но он может выбирать: пройдет
ли он по жизни уверенной поступью
льва, или же гадюкой, ползущей украдкой.*

Одиннадцатый день месяца опадающих листьев в Таштаке был отмечен большим праздником. Ровно столько, сколько инары помнили себя, они отмечали его. Он назывался – Соху. Старики говорили, что название это пришло от древнего народа. Соху – означало День духов леса. Видимо, этот древний народ жил в том же лесу, в котором живут сейчас инары, а, может, и нет. Никто не знал точно. Во всяком случае нигде на земле инаров не было найдено никаких следов пребывания этого древнего народа. Молодые не верили в эти легенды, а старики лишь вздыхали и качали головой, обвиняя молодежь в легкомыслии. И все же, несмотря ни на что, праздник Соху отмечали с большим удовольствием.

Ранним утром, когда солнце еще не поднялось над горизонтом, а лес был окутан серым туманом, юноши и девушки покидали свои дома и направлялись вглубь леса. Там они собирали еще не раскрывшиеся цветы, складывая их в большие красивые букеты. Затем они возвращались в город, где их уже ждали. Цветы передавали уважаемым жителям города. Они брали их и раскладывали особым способом от самых ворот Таштака до его центра, который был очищен от деревьев и кустарников и представлял собой большую поляну – что-то вроде городской площади. По этой аллее с восходом солнца духи леса должны были прийти в центр города, чтобы веселиться и праздновать вместе с людьми.

Домик, в котором жила Анайя, находился недалеко от площади. Сидя перед окном, Анайя наблюдала за ходом праздника, который был в самом разгаре. Люди, собравшиеся в центре Таштака, пели, плясали и веселились, кто как мог. Повсюду были расставлены столы с угощениями, и любой желающий мог отведать понравившееся ему блюдо. Посреди поляны разворачивалось захватывающее представление, в котором помимо местных танцоров, фокусников и акробатов участвовал приезжий цирк. Обезьяны, лошади, серые медведи и даже пара домашних гусей с удовольствием демонстрировали различные трюки: прыгали на задних лапах, кувыркались, ходили по бревну и кланялись восторженной толпе.

Анайя неотрывно следила за цирковым представлением. Она никогда еще не видела, чтобы звери так послушно выполняли команды людей.

Последними выступали две обезьянки. Они были серые с черными мордашками и хитрыми глазками. По команде дрессировщика они взбирались на невысокий столб, спрыгивали с него, прыгали сквозь металлический обруч, а затем, балансируя, проходили по узкой доске. В конце они бежали по кругу, перепрыгивая друг через друга. После того, как номер подошел к концу, дрессировщик подал им знак, и обезьянки пошли вдоль окружившей их толпы, протягивая лапки и прося угощения. Народ умиленно охал и отдавал все, что мог. Однако обезьянкам этого было мало и, несмотря на окрики дрессировщика, они стащили с одного из ближайших столов корзину с фруктами. Толпа взорвалась от смеха, а обезьянки, укрывшись под телегой, принялись делить добычу.

Анайя тоже не смогла удержаться от смеха. Несколько минут она смеялась глядя на растерянного дрессировщика и хитрых обезьянок. Все его попытки отобрать у них украденную корзинку, заканчивались неудачей. Он лишь беспомощно бегал вокруг телеги, чем без сомнения, еще больше веселил людей.

Между тем, праздник продолжался. Среди веселящейся толпы Анайя заметила Карфуса – помощника начальника сторожевого отряда Таштака. Он был довольно молод для занимае-

мой им должности, ведь ему совсем недавно исполнилось тридцать два года. Карфус был среднего роста, крепкого телосложения, с короткими светлыми волосами и голубыми глазами. Как и многие жители Таштака, Карфус не носил бороды и усов, зато отличался широкими скулами и тяжелым подбородком. Он был хитер, умен и крайне наблюдателен, и потому должность помощника командира отряда досталась именно ему.

Анайя заметила, что на поясе у Карфуса не было оружия, а значит, сегодня он был не на службе. Немного подумав, Анайя решила спуститься вниз, чтобы составить ему компанию. Накинув на плечи легкий шелковый платок, она выскользнула за дверь.

Быстро спустившись по лестнице, Анайя вышла на площадь и сразу же очутилась в гуще толпы. Осторожно пробираясь между рядами столов и группами людей, она, наконец, приблизилась к Карфусу. Он стоял возле циркового шатра и с интересом наблюдал за представлением жонглеров. Подойдя сзади, Анайя взяла его за локоть. От неожиданного прикосновения Карфус вздрогнул и обернулся.

– Добрый день! – сказала Анайя.

Увидев ее, Карфус расплылся в широкой улыбке.

– Здравствуй, красавица, – протянул он и осторожно обнял ее за плечи. – Где ты была? Я что-то не замечал тебя раньше.

– Сидела дома, – ответила Анайя, – а вот теперь решила прогуляться.

– Ага, – Карфус прищурил глаза, – разве сейчас время для прогулки, в такой суете?

Анайя снова улыбнулась и пожала плечами.

– А почему бы и нет?

– Да ладно тебе, – Карфус махнул рукой, – я знаю, ты целыми днями сидишь дома. На улицу выходишь редко, все время грустишь. Что с тобой?

Анайя посмотрела на жонглеров. Улыбка исчезла с ее лица.

– Ничего страшного, – смущенно ответила она, отводя глаза, – просто мне немного грустно.

– Немного грустно? – удивленно воскликнул Карфус. – Это мне сейчас немного грустно, – пояснил он, – а ты, скорее всего, умираешь от тоски.

Анайя молчала. Карфус стоял рядом, не сводя с нее глаз. Толпа, наблюдавшая за выступлением жонглеров, неожиданно взорвалась бурными аплодисментами. Восторженные крики доносились со всех сторон. Народ гулял и веселился, а стоящие немного в стороне Анайя и Карфус, казалось, выпали из состояния всеобщей радости. Долго продолжаться так не могло, и Карфус решил увести Анайю с площади, чтобы не привлекать лишнего внимания.

Пробираясь сквозь шумную толпу, они не проронили ни слова. Карфус широко улыбался на все стороны света, стараясь, чтобы как можно меньше людей заметили грустное лицо Анайи.

Покинув городскую площадь, они медленно пошли по узкой тропинке, виляющей между деревьями. Карфус по-прежнему держал Анайю за руку. Некоторое время они оба молчали. Наконец он осторожно поинтересовался:

– Как долго ты собираешься прятаться от людей и от самой себя?

– Не знаю, – ответила Анайя.

– Есть много способов излечиться от тоски, но вряд ли хоть один из них поможет тебе, если ты сама этого не хочешь.

– Мне очень сложно объяснить... – произнесла Анайя, но Карфус не дал ей закончить.

– Неужели? Позволь я угадаю!

Анайя пожала плечами.

– Ты прожила в Таштаке уже почти год. Вокруг тебя живут довольно хорошие люди: веселые и доброжелательные. Не так ли?

– Это так, – ответила Анайя, не понимая, к чему он клонит.

– Это так, – повторил за ней Карфус, – и все же тебе очень грустно. В общении с людьми ты не находишь успокоения. А это значит, что ты общаешься не с теми людьми.

– Почему? – искренне удивилась Анайя. – С кем же мне тогда общаться?

Но Карфус продолжал развивать свою мысль:

– Другими словами, с тобой рядом нет того человека, с которым тебе было бы хорошо.

Анайя остановилась и посмотрела на Карфуса. За те несколько мгновений, что они смотрели друг на друга, Карфус увидел в ее глазах тоску, отчаяние и безмолвный крик о помощи. Анайя почти плакала, в ее больших глазах стояли слезы. Но она отвернулась, и снова наступило неловкое молчание. Карфус понял, что угадал ее чувства и заставил вновь пережить всю горечь разлуки с близким человеком.

– Мне очень жаль, что я заставил тебя страдать. Прости, я не хотел. Что я могу сделать для тебя? Только скажи, и я это сделаю, – Карфус взял Анайю за руку.

– Ничего, – ответила Анайя и попыталась улыбнуться, – это скоро пройдет.

Карфус пристально смотрел на нее. Анайя чувствовала себя неловко под его внимательным взглядом, но изо всех сил старалась скрыть это. После короткой паузы Карфус уверенно произнес:

– Ты абсолютно права. Это скоро кончится.

Анайя подняла взгляд. В ее глазах читалась растерянность и непонимание. Карфус объяснил:

– Ваша разлука – она скоро кончится. Я уверен в этом.

Анайя снова улыбнулась, и на этот раз ее улыбка таила надежду.

– Ты так думаешь? – спросила Анайя, глядя ему прямо в глаза.

Ах, если бы он только знал, как хотела она ему верить!

– Вот увидишь, – убедительно ответил Карфус, – уже скоро.

– Спасибо, – сказала Анайя.

Взявшись за руки, они продолжили путь. Теперь они разговаривали на совершенно другие темы. Это были безобидные, ни к чему не обязывающие разговоры о праздниках, о походе Локаи в Таулос, о наступившей осени, о всевозможных небылицах, услышанных ими когда-то давно.

Анайя и Карфус гуляли до самого вечера, неспешно бродя по узким лесным тропинкам, и лишь когда солнце опустилось за вершины деревьев, они вернулись в Таштак.

* * *

Девятнадцатый день месяца первого снега. 2851 год Четвертой Эпохи.

Осень в этом году выдалась особенно холодной. Деревья быстро сбросили листву, трава увяла, а частые дожди размыли дороги, превратив их в реки грязи. Обозы, передвигающиеся по дорогам империи, стали заметно опаздывать, и это вызывало раздражение у всех.

В середине осени с севера подули холодные ветры. Их порывы поднимали с земли опавшие листья, заставляя их кружиться в каком-то жутком танце, раскачивали заснувшие до весны деревья, наполняя воздух их тоскливым скрипом, больше похожим на стон. Эта пора была настоящим мучением для человека, любящего жизнь, радующегося ей и помнящего, что еще совсем недавно, она была ключом на этих равнинах, в лесах и на побережье. Казалось, что этой осенью природа не засыпает, а умирает. Это вызывало необъяснимую тоску, и люди с нетерпением ждали наступления зимы, когда белое покрывало первого снега укроет землю, превратив ее в чистый лист бумаги, на котором каждый сможет написать новую главу своей жизни.

Наступил последний месяц осени, но долгожданный снег так и не выпал. Ветер переменился, и теперь он доносил с востока соленый запах океана.

Океан бушевал. Его некогда темно-синие воды стали пепельно-серыми. Волны с шумом накатывались на песчаный берег, оставляя после себя грязную пену. Иногда они были такими большими, что достигали самой кромки леса в том месте, где он ближе всего подходил к воде. Преодолев двести шагов, волны утрачивали силу и отступали назад, но только для того, чтобы вернуться снова.

У самой кромки леса стоял высокий мужчина лет сорока. Его звали Рамус. Он был начальником восточной заставы, находившейся в лесу недалеко от берега. Он стоял на старом, давно поваленном дереве, и внимательно вглядывался вдаль. На мужчине был длинный кожаный плащ, закрывавший его с ног до головы от порывов ветра и брызг, которые долетали даже сюда.

Стоя без движения вот уже более трех часов, Рамус наблюдал за океаном. Это было весьма непросто. В это время года, да еще в такую погоду довольно сложно было разглядеть хоть что-нибудь. Небо, затянутое серыми тучами, плавно опускалось в океан, такой же серый и угрюмый. По небу ползли тучи, океан медленно перекачивал волны. «Если бы земля и небо вдруг поменялись местами, это бы вряд ли кто-нибудь заметил», – размышлял Рамус, глядя на горизонт.

Однако он стоял здесь не для того, чтобы отличать землю от неба. Его задачей было наблюдение за островами дродов. В ясную погоду они были довольно хорошо видны отсюда. Но сейчас острова были покрыты мглой, и разглядеть их было невозможно. Несколько дозорных групп по три человека, сменяя друг друга каждые три месяца, следили за этими островами. Были и еще заставы на восточном побережье, расположенные севернее. Они существовали уже несколько веков, с тех пор как были созданы по указанию императора Ирриона после очередного нападения варваров-дродов на Таулос.

То нападение было настолько неожиданным, что полчища завоевателей успели добраться до земель Таулонии, и только там Иррион смог остановить их и после долгого кровопролитного сражения рассеять. Когда дроды бежали обратно на острова, Иррион приказал основать заставы по всему побережью и сформировать наблюдательные группы. Они должны были следить за дроидами и своевременно докладывать императору обо всем, что происходит на их островах. С тех пор ни одно нападение дродов не было неожиданным для Таулоса. И какими бы многочисленными ни были их полчища, армия Таулоса успевала разгромить их еще до того, как дроды достигали берегов реки Та.

В группе, заступившей на эту заставу вместе с Рамусом, были еще два воина – Катт и Глос. Они были братьями из семьи потомственных охотников, живших на земле таров. Катт был ровесником Рамуса, а Глос – на три года младше. Вместе они служили на этой заставе уже шесть лет и сблизились за это время. Они понимали друг друга с полуслова и полувзгляда, что было очень важно в их довольно непростой службе, которая требовала больших усилий и нечеловеческого терпения.

Наблюдая за дроидами, очень важно было самим оставаться незамеченными. Часами сидя в укрытии, им приходилось общаться лишь едва заметными жестами, передавая информацию о малейших изменениях, происходящих на островах. Необходимо было помнить истину, проверенную поколениями воинов-разведчиков и гласившую, что, наблюдая за неприятелем, не стоит забывать о том, что и за тобой тоже могут наблюдать.

По ночам один из них тайком выбирался на берег и доставал из укрытия между поваленными деревьями маленькую легкую лодку с одним веслом. На ней под покровом темноты разведчик выходил в океан и брал курс на ближайшие острова дродов. Добравшись туда, ему приходилось несколько часов, находясь в непосредственной близости, наблюдать за врагом, рискуя быть замеченным. Дроды ревностно охраняли свою территорию, и уходить обратно нужно было за два часа до рассвета, чтобы не быть обнаруженным. Рассвет в океане наступает очень быстро.

Чуть зазевался, и ты – прекрасная мишень для лучников. На слуху были несколько историй, когда, не рассчитав время, разведчик не успевал уплыть далеко от берега, и рассвет застигал его врасплох. Это была верная смерть. Дроды великолепно стреляли из лука. К тому же луки свои они изготавливали не из дерева, как в Таулосе, а из рогов неизвестного животного, обитающего только на их островах. Этот лук посылал длинные черные стрелы на расстояние вдвое большее, чем обычные.

Несколько раз разведчики натывались на лодки дродов, которые тоже по ночам выходили в океан. Тогда мало кто оставался в живых. Однажды такое случилось и с Глосом. Только его решительность и смекалка спасли ему жизнь в ту ночь. Он выпрыгнул за борт и, поднырнув под лодку, притаился там. Увидев, что лодка пуста, дроды обошли ее несколько раз со всех сторон. Улучив время, Глос выныривал, чтобы глотнуть воздуха, каждый раз с противоположной стороны от дродов. Решив, что лодку просто снесло в океан, они привязали ее к своей и уплыли, а Глосу пришлось добираться до берега вплавь.

Волна с шумом накатила на берег и, добравшись до самого леса, разбилась о ствол дерева, на котором стоял Рамус. Соленые брызги разлетелись в разные стороны. Некоторые из них, попали ему в лицо. Рамус невольно вздрогнул. Это пробудило его от монотонного вглядывания в серую мглу, висевшую между небом и землей. Он пошевелился, разгоняя кровь по жилам, а затем сделал осторожный шаг назад и спустился на землю. Ногами он почувствовал мягкий ковер хвои и опавшей листвы. Промокшие после долгих дождей, они прилипали к сапогам, затрудняя передвижение. Но все это были лишь мелкие неприятности, к которым Рамус уже давно привык и перестал обращать на них внимание. Бросив последний взгляд на океан, Рамус развернулся и шагнул в глубину леса, растворяясь среди деревьев, словно лесной призрак.

Пробравшись сквозь густые заросли, через четверть часа Рамус вышел к небольшому срубам, спрятанному между ветвистыми деревьями. В маленьком окошке тускло мерцал свет.

Открыв скрипучую дверь и наклонившись, он с трудом протиснулся в невысокий проем и оказался в тесной и темной прихожей. Сняв одежду, Рамус открыл еще одну дверь и шагнул на порог. В лицо ему ударил теплый воздух, а запах жареного мяса напомнил о пустом желудке.

– Это ты, Рамус? – услышал он голос Катта.

– Я, – ответил Рамус, привыкая к полумраку маленькой комнаты. В середине стояла железная походная печь, в которой трещал огонь. На печи стоял котел с водой. Катт, склонившись над котлом, аккуратно складывал в него нарезанные овощи.

– Что у нас сегодня на ужин? – спросил Рамус, потирая ладони и присаживаясь рядом с печью, – на улице ужасно сыро.

– Охотники из соседнего поселка принесли оленину, – ответил Катт, – а я решил к тому же сварить суп по рецепту моей бабушки. Глос его очень любит.

– Он еще не вернулся?

– Нет, но думаю, что вернется к завтрашнему утру.

Катт взял ложку и стал осторожно помешивать содержимое котла. Воздух сразу же наполнился приятным ароматом. Рамус снял широкий ремень, на котором висели ножны, и бросил его на топчан у стены.

– Что нового? – спросил Катт.

– Ничего не видно, сплошная мгла.

– Да уж, – вздохнул Катт, – не лучшее время для службы.

– Зато отличное для неожиданного нападения, – заметил Рамус.

– Да ну тебя, – отмахнулся Катт, – смотри, накличешь беду.

Рамус рассмеялся.

– Не волнуйся, я пошутил. Океан штормит, и на тяжелых лодках до берега не дойти. Волна сразу же накроет.

– Хорошо, если так, – промолвил Катт, и в комнате снова наступила тишина.

Рамус, поворачиваясь к печке то лицом, то спиной, сушил промокшую одежду. Даже несмотря на тяжелый длинный плащ, за те несколько часов, что он провел на берегу, влага все равно пробралась внутрь. Катт тем временем продолжал готовить ужин. В комнате было тепло и тихо. Было слышно, как ветер завывает в вытяжной трубе, и дождь крупными каплями стучит в окно.

Когда одежда высохла, Рамус подошел к топчану и, сев на него, прислонился спиной к теплой стене. Его клонило в сон. Поле долгого стояния на холодном ветру теплая комната, тишина и полумрак напоминали ему, как он устал. Глаза закрывались против воли. Рамус пытался бороться со сном, но сам не заметил, как уснул.

Около полуночи вернулся Глос. Вместе с Каттом они поужинали и, присев возле огня, завели неторопливую беседу. Время шло, и за разговором Катт вспомнил о Рамусе. Ужин уже почти остыл, и было необходимо его разбудить. Глос подошел к топчану и, положив руку на плечо Рамуса, тихо сказал:

– Вставай, ужин стынет.

Рамус открыл глаза и удивленно спросил:

– Ты рано вернулся. Что-то случилось?

– Все в порядке, – ответил Глос.

– Сколько я спал?

– Четыре часа, – ответил Катт, наливая в глиняную чашку еще теплый суп. Рамус встал с топчана и, подойдя к огню, вытянул руки.

– Как восприняли твой доклад в Таулосе? – обратился он к Глосу.

– По-моему, он их утешил, – ответил Глос.

– А что, император чем-то взволнован?

– Мне так показалось. Я слышал, он собирает военный совет почти каждый день. Полным ходом идет усиление армии.

– Странно все это, – отозвался Катт, – видимо, император знает намного больше, чем мы.

– Что еще? – снова спросил Рамус.

Глос принялся подробно рассказывать обо всем, что удалось ему увидеть и услышать за время пребывания в Таулосе. Пока Глос рассказывал, Рамус неторопливо ел, задумчиво глядя на огонь.

Сообщив товарищам все, что ему было известно, Глос поднялся на ноги, зевнул и потянулся.

– Пора спать, – сказал он, – завтра идти на берег.

– Я пойду, – произнес Катт, – ты отдыхай, и так целый месяц бил ноги по этой грязи.

– Да уж, – протянул Глос, – грязь ужасная. Скорее бы зима.

Отставив пустую чашку в сторону, Рамус неторопливо подошел к окну. Ему показалось, будто снаружи что-то изменилось. Слегка наклонившись, он заглянул в окно и несколько минут стоял, не отводя взгляда от стекла.

Глос и Катт уже ложились спать, когда Рамус позвал их:

– Подойдите сюда! – почти шепотом произнес он. – Скорее, посмотрите!

Братья переглянулись и бесшумно скользнули к окну.

– Смотрите, смотрите! – снова произнес Рамус. В его голосе слышались нотки радости и возбуждения.

Снаружи было тихо. Черные тучи рассеялись, ветер утих и сквозь разрывы облаков показались звезды. Свет полной луны бил в глаза, и в нем, сверкая и переливаясь, крупными белыми хлопьями, медленно ложился на землю чистый первый снег.

* * *

Пятнадцатый день месяца длинных ночей 2851 год Четвертой Эпохи.

Около полудня Хантаго, одетый в одежду для верховой езды, быстрым шагом спускался по лестнице, ведущей на второй этаж императорского дворца. Оказавшись в просторном холле, он пересёк его, отвечая на приветствия и поклоны придворных коротким кивком головы, и скрылся в длинном узком коридоре. Этот коридор вывел его в конюшни. Полчаса назад Хантаго сообщили, что утром сюда привезли молодого жеребца редкой породы – подарок от Локаи, наследника князя инаров. Хантаго давно ждал от него вестей, ведь при их прошлой встрече Локаи обещал заехать в Таулос ещё осенью, но до сих пор так и не приехал. Видимо, на то были причины. И вот теперь он прислал Хантаго подарок, который не оставил наследного принца равнодушным.

Дойдя до конца коридора, Хантаго открыл дверь и пошёл вдоль длинного ряда денников, направляясь в дальний угол. Отовсюду доносилось фыркание и ржание. Несколько конюхов собрались в дальнем углу, бурно споря и активно жестикулируя. Среди них Хантаго заметил крепкого мужчину среднего роста, который внимательно слушал беседу шумных конюхов. Хантаго сразу же узнал в нем Моши, хоть тот и стоял к нему спиной. Он осторожно приблизился к ним и остановился в паре шагов. Увлечённые словесными баталиями, конюхи не сразу заметили присутствие наследника императора. А увидев его, низко поклонились и быстро разошлись.

– Наконец– то! – воскликнул Моши. – Я думал, ты не придёшь.

– Здравствуй, Моши, – улыбнувшись, ответил Хантаго.

Они обнялись, словно близкие родственники.

Не каждый придворный мог позволить себе называть императора или его сына по имени и обращаться к нему на ты. Но Моши носил Хантаго на руках, когда тот был ещё младенцем. А когда Хантаго исполнился год, и его мать Элиса умерла от тяжёлой болезни, Моши и Лука помогали императору растить мальчика. Моши часто брал Хантаго в свой дом, где они играли, а как только принцу исполнилось двенадцать лет, Хранитель стал обучать его верховой езде и владению мечом. Они стали очень близки с самого детства Хантаго, и потому отношения между ними сложились очень тесные и тёплые.

– Я жду тебя уже четверть часа, – сказал Моши после взаимных приветствий.

– Мне пришлось задержаться, – произнес Хантаго и подошел к деннику.

Высокий вороной жеребец мирно поедал корм из стоящего перед ним ведра. Длинная чёрная грива на его шее плавно колыхалась, переливаясь на свету. Мощные мышцы играли под кожей при малейшем движении. Увидев Хантаго, жеребец оторвался от трапезы и около минуты внимательно его разглядывал большими черными глазами. Затем удовлетворённо фыркнув, он мотнул головой, словно приглашая Хантаго присоединиться к нему, и продолжил есть. Хантаго невольно улыбнулся.

– Ну, что скажешь? – спросил Моши.

– Красивый конь! – ответил тот.

– А главное – умный, – добавил Моши.

– Несомненно, – согласился Хантаго, не сводя глаз с жеребца.

– Инары знают толк в лошадях, – произнес Моши и после короткой паузы добавил, – а Локаи знает толк в подарках. Этот жеребец рождён, чтобы стать конём будущего императора, и Локаи заметил это.

Еще несколько минут они разглядывали красивого мощного жеребца, который спокойно доедал свой корм.

После затянувшейся паузы, Моши произнес:

– Ваше Высочество, не желаете ли немного прогуляться и поболтать со своим преданным генералом?

Судя по тону Моши, разговор должен был состояться серьёзный, и Хантаго немного насторожился, однако странное предложение заинтриговало его, и он согласился. Они покинули конюшню, выйдя через хозяйственные помещения на внутренний двор. Когда-то здесь росла зелёная трава, и вдоль узких извилистых дорожек пестрели красивые цветы, в маленьких фонтанах журчала вода, и разноцветные бабочки кружили в воздухе. Теперь же этот небольшой дворик находился в полном запустении. Пожухшую траву убрали садовники, цветы накрыли соломой, чтобы они смогли пережить зиму, а вода в фонтанах стала замерзать по ночам, и ее пришлось слить.

– словно и не было лета, – с грустью в голосе произнес Моши, когда они вышли во внутренний двор.

– О чем ты? – удивленно спросил Хантаго.

– Посмотри вокруг, – Моши кивнул головой, – совсем недавно здесь было так красиво. Я очень любил бывать здесь.

– Почему? – поинтересовался Хантаго.

– Здесь всегда тихо и спокойно, – ответил Моши.

Хантаго окинул взглядом двор и, пожав плечами, произнес:

– По-моему, тут и сейчас довольно тихо и спокойно.

– Да, – согласился Моши и, усмехнувшись, добавил, – только это напоминает кладбищенскую тишину и могильное спокойствие.

– Что тут поделаешь? Природа умирает перед наступлением зимы, но весной все вновь оживет. Вот увидишь, – попытался приободрить его Хантаго.

Моши вздохнул и покачал головой.

– В последние годы я чувствую, что и во мне тоже что-то умирает, когда приходит зима.

– Перестань Моши, это чувствует каждый. Я тоже часто грущу осенью, особенно когда вижу опадающие листья и увядшие цветы. Мне тоже бывает тоскливо. Но каждый раз я успокаиваю себя мыслью о том, что все это лишь на время. Это закон жизни.

– Вы абсолютно правы Ваше Высочество. Однако необходимо помнить, что нет на свете ничего вечного. Жизнь идет по кругу, и очень часто мы просто не замечаем, что в конце каждого круга, что-то теряем. Вы понимаете меня? – Моши посмотрел на Хантаго.

– Думаю, да, – ответил тот.

– И теперь каждый раз, когда природа умирает, я думаю о том, что, быть может, для кого-то этот круг оказался последним. И кто знает, может, скоро придёт и моя очередь.

Хантаго внимательно выслушал Моши, и когда тот закончил, взял его за руку и сказал:

– Моши, ещё не пришло твоё время. О чем ты беспокоишься?

– Нет-нет, – Моши улыбнулся и отрицательно замотал головой, – пока я не думаю о смерти. Я не настолько стар, чтобы готовиться к путешествию в страну предков. Напротив, я думаю о жизни. Но раз суждено однажды опасть жёлтым листом с дерева жизни, я хочу, чтобы это падение было красивым. Но главное: я часто думаю о том, что успел сделать за свою жизнь и как много ещё могу успеть за то время, что мне осталось. Вот что волнует меня.

Хантаго понимающе кивнул.

– Давайте же пройдемся, – предложил Моши.

– Конечно, – согласился Хантаго, – ты ведь хотел со мной о чем-то поговорить?

– Да, собирался, – подтвердил Моши и добавил, – И уж точно не о временах года.

Оба добродушно рассмеялись и неторопливо пошли по узкой тропинке вдоль высокого забора. Пару минут они шагали молча.

– Кстати, – внезапно спросил Моши, – как ты собираешься назвать коня? С этим нельзя тянуть. Тебе необходимо придумать ему имя как можно скорее. Оно должно быть непременно красивым и благородным, под стать жеребцу.

– Назову его Элемун, – сказал Хантаго после недолгих размышлений.

– Боюсь, что генерал Мун обидится, – отозвался Моши и захохотал.

– Лучше уж Элегор или Элевейс.

– Элевейс... – задумчиво произнес Хантаго. – Темная полночь. Красивое имя, оно очень подойдет этому коню. Однако перейдем к главному.

– Да, пожалуй, – согласился Моши, – и вот вопрос: скажи, что ты думаешь об опасениях твоего отца?

– Ты имеешь в виду слухи о том, что империи угрожает опасность?

– уточнил Хантаго.

– Да, именно их.

– Что тут скажешь? – Хантаго пожал плечами. – Мне трудно судить. Я знаю слишком мало, но осуждать отца за неопределенные опасения не стал бы.

– Вот уже несколько месяцев мы усиленно готовимся к чему-то страшному, делаем все, что можем, и я считаю, что это необходимо. Но вот что тревожит меня более всего: можем ли мы объяснить сами себе то, что делаем? – сказал Моши.

Хантаго задумался, а затем ответил:

– Понимаю тебя, Моши. Тебя волнует источник этих слухов. Ты не совсем доверяешь ему.

Моши молча кивнул.

– Признаться, я тоже, – тихо сказал Хантаго.

– В последнее время, ему вообще мало кто доверяет, – добавил Моши, – только твой отец.

– Недавно я сказал ему об этом.

– И что он тебе ответил?

– Он сказал, что лучше довериться старому, выжившему из ума Неохасу и защитить империю, если вдруг это потребуется, чем посмеяться над ним и проснуться однажды рабом. Или не проснуться совсем.

Моши задумчиво смотрел прямо перед собой.

– Я согласен с отцом и не стану более подвергать сомнениям его действия, – добавил Хантаго.

– Император мудр, – произнес Моши, – ты прав Хантаго. Прости меня за мои сомнения.

– Ты просто пытался понять его. Что же здесь плохого?

Моши благодарно кивнул.

Еще некоторое время они бродили по саду. Ближе к вечеру Моши попрощался с Хантаго и, пообещав прийти после ужина на встречу с сыном князя инаров, удалился. Хантаго вернулся в конюшню и около часа стоял там рядом со своим жеребцом, называя его по имени и кормя его из рук. Затем он отправился к себе, чтобы подготовиться к скорой встрече с Локаи.

* * *

На закате того же дня сын князя инаров вместе со своей свитой въехал в ворота Таулоса. На улицах было уже довольно темно и немногочисленно. Однако прибытие такого высокого гостя не могло остаться незамеченным. Из окон домов выглядывали любопытные горожане, улыбаясь и выкрикивая приветствия, а заодно, успевая поделиться с соседями последними новостями.

Локаи, ехавший впереди на высоком белом жеребце, поднимал руку и кивал, отвечая на приветствия. После долгой дороги такой теплый прием заставил его забыть о накопившейся

усталости. Медленно продвигаясь по улицам города, колонна достигла площади. Локаи на минуту остановился, очарованный открывшимся его взору видом на императорский дворец. Освещенный огромным количеством факелов, в темноте он был похож на волшебный замок, призрачный, висящий высоко в воздухе, и только длинная лестница, горящая сотнями огней, соединяла его с землей.

Кто-то тронул Локаи за локоть. Он обернулся и увидел капитана Агота. Тот смотрел на Локаи, и в глазах его застыл молчаливый вопрос. Локаи тряхнул головой, словно освобождаясь ото сна, и сказал: «Едем!». Пришпорив коня, он двинулся через площадь прямо к подножию огненной лестницы.

Когда колонна всадников подъехала к каменным ступеням, словно из ниоткуда появились люди, которые тут же бросились к ним и помогли гостям спешиться. Следом за ними появились и другие. Но они не спешили к лошадям, а терпеливо ждали, когда Локаи и его сопровождающие приведут себя в порядок. Когда, наконец, Локаи подошел к ступеням лестницы, один из встречавших вышел вперед и сказал:

– Мы рады приветствовать вас, уважаемый господин Локаи!

Локаи внимательно посмотрел на этого человека, пытаясь разглядеть его получше. Это был пожилой мужчина лет пятидесяти пяти. Судя по одежде, он занимал высокий пост, но что-то в его внешности было знакомо Локаи. Это удивило его, ведь он никогда прежде не бывал в Таулосе. Единственный человек, которого хорошо знал Локаи, это Хантаго. Инар шагнул вперед и протянул руку.

– Мы знакомы? – спросил он.

Пожилой мужчина улыбнулся и пожал протянутую руку.

– Когда я видел вас в последний раз, вам было шесть лет.

– Вы знакомы с моим отцом? – удивился Локаи.

– Много лет назад, во время последней войны с дровами, я служил капитаном пехотного корпуса в армии императора Рангала. Во время решающего яростного сражения я был тяжело ранен. Ваш отец, который командовал тогда кавалерией, нашел меня среди мертвых и привез в лагерь, – рассказал собеседник Локаи. – Мы победили дровов, армия была отозвана обратно в Таулос, а тяжелораненых отправили в Харангол – небольшой городок таров, расположенный недалеко от поля битвы. В их числе оказался и я. Полтора месяца я провел в Харанголе, пока не поправился. Ота часто навещал меня, и мы подружились. Затем он ушел вместе со своим войском в Таштак, а я отправился в Таулос. Через несколько лет мы вновь увиделись. Тогда он уже стал князем инаров, и я приезжал в Таштак на несколько дней. Тебе было шесть и ты вряд ли запомнил меня, – улыбнулся мужчина.

– И все-таки, – отозвался Локаи, – я узнал вас. Вас зовут Моши.

Мужчина был искренне удивлен. Однако Локаи объяснил, что отец довольно часто рассказывал ему о тех далеких временах и о людях, с которыми довелось встречаться.

Моши был тронут, однако время шло, и нужно было пригласить гостей во дворец. Отдав несколько распоряжений, Моши предложил Локаи и его свите следовать за ним. Через минуту гости длинной вереницей начали восхождение по лестнице.

В большом церемониальном зале, расположенном на первом этаже дворца, все было готово к прибытию высокого гостя. Середину зала занимал большой стол, уставленный угощениями, по обе стороны от него длинными рядами стояли стулья. За невысокой ширмой, установленной в углу зала, расположились музыканты. Императорский трон, находившийся в нескольких шагах от стола, был пуст. Тайрат не хотел встречать гостей, сидя на троне, он желал приветствовать их у входа во дворец. Это означало, что всем высокопоставленным чиновникам также придется выйти на свежий воздух. Они, конечно же, были не в восторге от этого, но остаться внутри никто не посмел.

Торжественная встреча состоялась у ворот дворца, как и хотел император. Поначалу все происходило согласно многовековым традициям: приветствия, рукопожатия, расспросы о том, насколько долгим и трудным было путешествие. Вся эта церемония уже не раз была пройдена императором за годы его правления и на этот раз ничего необычного не предвиделось. Однако, очень скоро стало понятно, что по мере того как сопровождающие Локаи гости поднимались по лестнице, на площадке перед воротами дворца оставалось все меньше места. Задние ряды, желающие увидеть то, что видят передние, и стремящиеся поучаствовать в том, в чем те уже участвуют, медленно, но верно напирали как со стороны лестницы, так и со стороны дворца. В результате, главные лица этого торжества – Локаи и Тайрат почувствовали себя несколько сдавленными. К счастью, присутствующий на встрече советник императора – Юнак, очень быстро сориентировался и, не дожидаясь окончания церемонии, громким голосом пригласил всех проследовать во дворец. И хотя сделать это должен был ни кто иной, как хозяин дворца – император, все сделали вид, что не заметили этого грубого нарушения. Что же касается Тайрата, то он вообще был очень рад, что официальная часть встречи наконец-то закончилась.

Спустя четверть часа, когда гости благополучно расселись за столом, и последние приготовления были окончены, смотритель императорского дворца Ло-По объявил о том, что торжественный ужин в честь прибытия дорогого гостя, наследника княжества инаров – Локаи, начинается. Зал наполнился радостными возгласами. Следом за Ло-по, с места поднялся Юнак и от лица императора еще раз приветствовал всех собравшихся, после чего слово взял хозяин дворца. Но вместо ожидаемых речей о важности этого момента, о значимости этой встречи для народов империи, император произнес лишь пару общих фраз, отражавших общее настроение, а затем предложил приступить к ужину. Это предложение было принято с большим оживлением. Столовые приборы бодро застучали в руках проголодавшихся гостей, тосты за здоровье императора, наследника императора, за Локаи и далее в порядке очереди то и дело звучали в наполненном шумом и суетой воздухе. И только прислуга, бесшумная и едва заметная, стремительно двигалась по залу, обслуживая сидящих за столом.

За окном стало совсем темно. Город уснул, и на улицах было очень тихо. Редкий прохожий, спешащий домой, едва ли нарушал эту тишину настолько, чтобы его могли заметить. Даже патрули двигались так тихо по каменным мостовым Таулоса, что казалось, их заботит не столько порядок на ночных улицах, сколько спокойный и безмятежный сон горожан. Небо еще до заката очистилось от облаков, и теперь на нем сияли мириады звезд, так ярко светивших этой морозной зимней ночью. Перемена в погоде была достаточно ощутима, и гости, покидавшие дворец после затянувшегося ужина, не могли не заметить этого. Сытые, довольные и порядочно захмелевшие, они с удивлением останавливались на улице и, выдыхая пар в темное небо, с интересом наблюдали за волшебным танцем легких снежинок, опускавшихся на землю, казалось, прямо со звезд. Однако достаточно крепкий мороз довольно быстро приводил их в чувство, и немного протрезвевшие, постепенно замерзающие гости, спешили по домам.

В зале остались лишь несколько человек – те, кому было о чем поговорить после завершения обильной трапезы. Тайрат, Хантаго, Локаи, Моши и Неохас собрались за опустевшим столом. За неторопливой беседой они и не заметили, как за окном занялся рассвет. Когда же собрались расходиться, Хантаго отозвал Локаи в сторону и предложил: «Давай прогуляемся по ночному городу».

Было видно, что предложение заинтриговало Локаи. Несмотря на усталость, он охотно согласился. Чтобы не привлекать к себе внимание, Хантаго и Локаи попрощавшись и пожелав всем спокойной ночи, отправились каждый в свою комнату. Однако сразу после того как во дворце все стихло, Хантаго осторожно вышел из дверей своей спальни и неслышно скользнул по коридору к лестнице, ведущей на первый этаж. Комнаты для гостей располагались на первом этаже и это, в некотором роде, облегчало задачу для Хантаго. Спустившись по лестнице, он

подошел к двери спальни, в которой остановился Локаи, и тихо постучал. Через пару секунд дверь осторожно приоткрылась и сквозь образовавшийся проем, Хантаго увидел лицо Локаи.

– Ну что? – спросил тот шепотом.

Хантаго кивнул и ответил:

– Идем, все уже уснули.

Локаи вышел из комнаты и прикрыл за собой дверь. Оглядевшись по сторонам, они быстро двинулись через большой зал у самого входа во дворец и растворились в узком и темном коридоре под лестницей. Уже через несколько минут они вышли на задний двор и, пройдя вдоль невысокого деревянного забора, исчезли сквозь небольшую щель в нем, отодвинув плохо прибитую доску. И хотя они очень старались, чтобы их бегство осталось незамеченным, этого не произошло. Старая доска на заборе предательски скрипнула, и Хантаго застыл на месте, показывая Локаи, чтобы тот не шевелился. Примерно около минуты они стояли без движения и внимательно прислушивались. Судя по всему, никто не заметил их присутствия, а значит, можно было идти дальше. Они двинулись по широкому проходу между армейскими казармами. Хантаго собирался выйти к городской стене в том месте, где она находилась ниже уровня дворца и не мешала обзору. Конечно же, можно было просто выйти к каменной лестнице. Оттуда тоже открывался неплохой вид, но он был каким-то уж очень официальным. Все, кто бывал во дворце, имели возможность лицезреть Таулос и близлежащие земли с вершины каменной лестницы. А вот с того места, куда Хантаго вел Локаи, открывался совсем иной вид. Он не был столь ярок и не внушал гордости за творения человечески рук. Только даль, только древность, только природа. Отсюда, с самой высокой и самой северной части холма, можно было видеть Западные Горы с серыми ледяными шапками, упирающимися в небо, а вдали, почти на линии горизонта, темной полосой стоял лес Гакхи – страшное место, если верить слухам. А еще, можно было услышать шум прибоя с западного побережья и почувствовать запах океана.

«Быть может, стоя здесь и глядя вокруг, тебе не захочется восхищаться самим собой, но трепет перед могуществом природы ты обязательно ощутишь», – любил говаривать Неохас, когда много лет назад приводил сюда мальчика по имени Хантаго.

Обойдя казармы, Хантаго и Локаи повернули на север и вновь очутились в проходе между зданиями. Нужно было пройти по этому коридору до самого конца и свернуть налево, чтобы выйти на почти отвесный участок склона, который и был целью их короткого путешествия. Но стоило им повернуть за угол, как перед ними, словно из-под земли, выросли три огромные фигуры стражников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.